

ПРАВОСЛАВНОЕ ПОЧИТАНИЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Тропарь, глас 1-й

от святыя иконы твоей,
о Владычице Богородице,
исцеления и цельбы подаются обильно,
с верою и любовию приходящих к ней,
тако и мою немощь посети,
и душу мою помилуй благая,
и тело исцели,
благодатию твою пречистая.

На 1-й стр. обложки воспроизведена
Чудотворная Мироточивая Иверская Икона
Божьей Матери — новоявленная в 1982
году

Блаж. Архиепископ Иоанн (Максимович)

ПРАВОСЛАВНОЕ ПЧИТАНИЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Вильмуассон—С.-Петербург

1 9 9 2

Приснопамятный Архиепископ Иоанн
(Максимович)

Предисловие

ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛОВИЕ БЛАЖЕННОГО АРХИЕПИСКОПА ИОАННА (МАКСИМОВИЧА)

Несколько лет тому назад одна Игумения Русской Зарубежной Церкви, женщина праведной жизни, говорила поучение в храме обители в день престольного праздника, на Успение Пресвятой Богородицы. Она слезно умоляла сестер и паломников, собравшихся на праздник, всецело и безоговорочно принимать то учение, которое Святая Церковь нам передает, которое Она с таким тщанием блюла в течение всех веков, и не выбирать для себя, что в нем «важно», а что «второстепенно»; ведь считая себя мудрее священного предания, можно и совсем его утерять. Итак, когда Церковь повествует нам в Ее песнопениях и через святые иконы, что святые апостолы чудесным образом собрались со всех концов вселенной, чтобы присутствовать при Успении и Погребении Пресвятой Богородицы, мы, будучи православными христианами, не свободны отрицать или перетолковывать это, но должны верить церковному преданию просто и чистосердечно.

Молодой американец, принявший православие и выучивший русский язык, присутствовал при этом поучении. Глядя на иконы, написанные в традиционном иконописном стиле, на которых апостолы изображены на тучах, несущих их к Успению Божией Матери, он как раз сам задумывался над этим вопросом. Спрашивалось, действительно ли мы должны понимать это как чудесное событие или это просто «поэтическое» объяснение собрания всех апостолов к этому событию, или может даже некое оригинальное «идеализированное» изображе-

ние вообще не состоявшегося события? (Таковы, на самом деле, вопросы, занимающие некоторых современных «православных богословов»). Слова праведной Игумении глубоко поразили молодого американца-неофита, и ему стало ясно, что есть нечто более глубокое в восприятии и понимании православия, чем то, что открывает нам наш ум и наши чувства. В то мгновение православное предание передавалось ему не книгами, а живым сосудом, восполненным этим учением и преданием, и необходимо было воспринимать не умом только или чувствами, но прежде всего сердцем, которое таким образом и начало глубже проникаться православием.

Впоследствии этот молодой неофит познакомился, через чтение и лично, со многими богословски образованными православными христианами. Это были наши современные «богословы», которые учились в православных учебных заведениях и стали «богословами-специалистами». Они обычно охотно поясняли что православно, а что инославно, что важно, а что второстепенно в самом православии, и некоторые из них гордились своим «консерватизмом» или «традиционализмом» в вопросах веры. Но ни в одном из них не чувствовался авторитет той простой Игумении, которая говорила его сердцу, несмотря на всю свою «богословскую необразованность».

И сердце этого неофита, только начинающего сознательную православную жизнь, жаждало понимания того, как верить, что означало и кому верить. Он был уж очень человеком нашего века и современного воспитания, чтобы суметь просто отречься от своих собственных размышлений и слепо верить всему сказанному ему; да и совершенно очевидно, что православие и не требует такого: ведь сами творения святых отцов—это живое свидетельство о трудах человеческого разума, просвещенного Божьей благодатью. Но также очевиден и некий недостаток у современных «богословов», которые, несмотря на всю присущую им «логичность», последовательность и знание святоотеческих текстов, не смогли передать дух, характер и обаяние православия, как смогла простая, неученая Игумения.

Поиски нашего неофита, поиски контакта с истинным и

живым православным преданием, завершились встречей с Архиепископом Иоанном (Максимовичем). В нем он нашел и образованного богослова «старой» школы, но в тоже время очень осведомленного о критике такого рода богословия в современной богословской мысли, и который своим чутким умом мог распознать истину, где она могла быть оспоренной. Но в нем было и то, чего не хватало всем богословским «мудрецам» нашего века — простота и авторитетность благочестивой Игумении, которые так поразили сердце молодого Богоискусителя. Владыка Иоанн покорил его ум и сердце не потому, что он стал для него «непогрешимым» — в Церкви Христовой нет ничего такого — но потому, что он в этом святителе увидел пример православия, настоящего богослова, чье богословие было последствием праведной жизни и глубоко укоренено в священном предании Православной Церкви... И наш молодой неофит обнаружил, что, несмотря на его чуткий ум и критическое мышление, слова Владыки Иоанна гораздо чаще согласовались со словами простой Игумении, чем со словами образованнейших современных богословов.

Богословские труды Владыки Иоанна не принадлежат определенной «школе», в них не видно «влияния» ни одного богослова недавнего прошлого. Правда, Владыка Иоанн был призван богословствовать — в таком же смысле, в котором он был призван к монашеству и служению Церкви своим великим учителем Митрополитом Антонием (Храповицким), и так же верно, что он полностью освоил стремление своего наставника отстаивать необходимость «возврата к святым отцам» и к богословию, основанному на моральной и духовной жизни, нежели чисто академическому. Но богословские труды самого Митрополита Антония очень различны и в духе, и в самом замысле, и в содержании. Он много вращался в современных ему академическом и интеллигентском обществах, и многие его сочинения посвящены аргументам и апологетике, приемлемым в знакомых ему кругах. В трудах Владыки Иоанна, наоборот, совершенно отсутствует апологетика, они не открыты для дискуссии. Он не спорил, а просто излагал православное учение. Когда была необходимость опровергать

ложные учения, (самым ярким примером чего служат его две длинные статьи о софianстве Булгакова), слова Владыки убеждали не последовательностью или логичностью аргументации, а самой силой изложенного им святоотеческого учения и цитируемых текстов. Он обращался не к академической или образованной среде, а к неповрежденной православной совести, и он не говорил о «возврате к святым отцам», потому что то, что он писал было просто пересказом и передачей святоотеческого предания, без всякого попытка оправдать или извинить такой подход.

Источники богословия Владыки Иоанна очень просты: Священное Писание, Святоотеческие писания (в особенности великих отцов IV и V веков) и самое отличающее — православные богослужебные тексты. Последние, которые редко использовались в таком объеме новейшими богословами, указывают на чисто практический, нежели научный подход Владыки Иоанна к богословию. Очевидно, что он был полностью поглощен богослужением православной Церкви и что его богословие вдохновлено этим прямым источником. Вдохновение приходило не во время часов досуга, предоставленные для богословствования, а во время его ежедневного присутствия на всех церковных службах. Он воспринимал богословие как неотъемлемую часть обыденной жизни, и, несомненно, это сделало его богословом в гораздо большей степени, чем формальные богословские занятия.

Следовательно, у Владыки Иоанна мы не обнаружим богословской «системы». Нельзя это понимать как «протест» против великих трудов «систематического богословия» IX в. в России; Владыка, без всяких сомнений, пользовался систематическими катехизисами того времени в своей миссионерской деятельности. (Как делали многие великие святители и Греции, и России в IX и ХХ вв., считая эти катехизисы превосходными пособиями для праволовного просвещения своих народов.) В этом Владыка не следовал моде и не принадлежал к какому-либо течению среди богословов и их последователей ни в прошлом, ни в настоящем, так как они слишком часто

чересчур большое значение придают какому-нибудь определенному взгляду на православное богословие. Он в равной степени уважал Митрополита Антония (Храповицкого) и его «антизападную тенденцию» и Митрополита Петра (Могилу), который якобы был слишком «под влиянием» запада. Когда говорили ему о недостатках этих великих святителей и защитников Православия, Владыка отмахивался и говорил, что это «неважно», потому что он прежде всего думал о великом святоотеческом наследии, которое эти богословы успешно передавали, несмотря на недостатки. Многие современные молодые богословы, часто подходящие к православному богословию слишком абстрактно, теоретически, полемично и односторонне, могли бы поучиться у Владыки.

Для Владыки Иоанна богословские «категории» даже мудрейших ученых богословов были «неважны»; точнее, они были неважны, если они не передавали истину и суть дела, а просто заучивались. Один случай, произшедший, когда Владыка был в Шанхае, ярко характеризует свободу его богословского мышления. Однажды, присутствуя на устных экзаменах по Закону Божию старшего класса школы кафедрального собора, он прервал безошибочное перечисление учеником «второстепенных пророков» Ветхого Завета резким и категорическим замечанием: «Нету «второстепенных» пророков!» Понятно, Батюшка-учитель класса обиделся на то, что Владыка подрывает его учительский авторитет, но, наверное, до сегодняшнего дня ученики помнят это кажущееся странным отрицание принятых «категорий», а, возможно, некоторые из них поняли и то, что Владыка Иоанн хотел сказать: у Бога в с е пророки велики и важны, и этот факт гораздо важнее всех «категорий» наших знаний о них, какими бы они не были правильными сами по себе. В своих богословских статьях Владыка Иоанн часто таким неожиданным поворотом мысли открывает нам новую сторону или более глубокое значение обсуждаемого предмета. Очевидно, что для него богословие было не просто человеческой, земной наукой, чьи сокровища исчерпываются нашими рационалистическими интерпретациями или в которой мы можем стать самодовольными «экспертами», но было

чем-то ведущим к небесному, что должно привлекать наши умы к Богу и небесным реальностям, которые нельзя постичь логическими системами мышления.

Известный русский церковный историк Н. Тальберг предлагает нам (в «Летописи» Еп. Саввы, гл. 23), прежде всего, понимать Владыку Иоанна как «юродивого Христа ради, оставшимся таковым и в епископском сане», и в этом качестве сравнивает его со святым Григорием Богословом, который в том же, в чем и Владыка Иоанн, не соответствовал стандартным пониманиям «облика» епископа. Именно это «юродство» (по мирским понятиям) придает характерный тон богословским сочинениям и святого Григория, и Владыки Иоанна; и тот, и другой отдаляются от «общественного мнения», от того, как «все думают» и таким образом не зависят от какого-либо «течения» или «школы». Они подходят к богословским вопросам с возвышенной, не академической точки зрения и этим избегают мелких ссор и сварливого духа. С новыми, неожиданными поворотами мысли их сочинения прежде всего становятся источником вдохновения и более глубокого понимания Божьего откровения.

Пожалуй, больше всего поражает абсолютная простота Владыкиных сочинений. Сразу ясно, что он принимает Православное предание прямо и безоговорочно, без всяких «двуличных» мыслей о том, как можно верить в это предание и все-таки оставаться «развитым, культурным» человеком. Он знал современную «критику» и, будучи спрошен, мог дать конкретные, четкие причины своего несогласия с ней в большинстве вопросов. Он тщательно изучил вопрос «западного влияния» в Православии в течение предыдущих столетий и держался трезвой, уравновешенной точки зрения, осторожно разбираясь в том, что должно исключать как неприемлемое для Православия и чего не следовало рекомендовать, но из-за чего не следовало «горячиться», и в том, что можно было принять как соответствующее православному образу жизни и благочестия. (Из этого становится ясно, что у Владыки Иоанна не было «предубеждений», он все проверял исключительно трезвым православным учением). Но, несмотря на все его зна-

ния и умение критически размышлять, он продолжал верить в Православное предание просто, каким оно и передано нам Церковью. Большинство современных православных богословов, даже если они не подвержены самому крайнему протестантско-реформаторскому мышлению, все-таки смотрят на Православное предание через академическую обстановку, привычную для них. А Владыке Иоанну, прежде всего, были «привычны» православные богослужения, которым он посвящал много часов ежедневно, и таким образом у него отсутствует даже малейший «привкус» рационализма (не обязательно даже в плохом смысле этого слова), который находим и у самых выдающихся академических богословов. В его сочинениях нет «проблем»; его обыкновенно многочисленные цитаты лишь только указывают, где находится учение Церкви. В этом смысле он абсолютно единодушен с «мышлением Святых Отцов» и кажется нам как бы одним из них, а не просто комментатором богословия прошлого.

Богословские сочинения Владыки Иоанна, напечатанные в различных церковных периодических изданиях в течение четырех десятилетий, никогда не были собраны в один том. Имеющиеся сегодня у Свято-Германовского братства наполнили бы книгу в 200 страниц. Его более длинные сочинения написаны им в молодости, еще будучи иеромонахом в Югославии, где его уже признавали выдающимся православным богословом. Особенno ценны его две статьи о софианстве Булгакова, из которых одна очень убедительно и объективно указывает на полное невежество Булгакова в сфере патристики, а вторая еще более ценна, как классическое изложение истинного святоотеческого учения о Премудрости Божией. Среди его более поздних сочинений следует обратить внимание на статью о православной иконописи (в которой он, кстати, оказывается гораздо более осведомлен в вопросе «западного влияния» в иконописи, чем его учитель, Митрополит Антоний); на серию проповедей, названную «Три Евангельских Праздника», в которой он открывает более глубокое значение нескольких «второстепенных» церковных праздников, и на статью «Церковь: Тело Христово». Более краткие статьи и

проповеди Владыки Иоанна тоже богословски насыщены. Одна проповедь начинается с «Гимна Богу» св. Григория Богослова и в таком же возвышенном, патристическом тоне обличает современное безбожие. В другой, произнесенной в Великий Пяток 1936 года, Владыка обращается к умершему Христу, лежащему во гробе. Она могла бы быть сказанной тем же Святым Отцом.

Начинаем эту серию публикаций с классического изложения Владыкой Иоанном Православного учения о почитании Божией Матери и важнейших ошибках, направленных против него. Самая длинная глава является ярким и четким опровержением латинского догмата о «непорочном зачатии».

Иеромонах Серафим (Роуз)

1

Какъ св. Православная Церковь чтила и чтить Божію Матерь.*

*"Достойно есть величати Тя,
Честнѣйшую Херувимъ и слав-
нѣйшую безъ сравненія Серафимъ"*

22 іюня 1931 года въ Бѣлградѣ было совершено торжественное освященіе храма-часовни въ честь Иверскія чудотворныя иконы Божіей Матери, построенного на кладбищѣ, отведенномъ для русскихъ. Освященіе совершилъ Патріархъ Сербскій Варнава въ сослуженіи Митрополита Кіевскаго и Галицкаго Антонія и Епископа Лондонскаго Николая. Какое замѣчательное сочетаніе именъ! Востокъ (Иверія—Грузія) и столица запада Лондонъ, іерархъ священной купели русского народа, патріархъ коего нѣкогда назывался патріархомъ “и всѣхъ съверныхъ странъ”, и первоіерархъ южныхъ славянъ — все это соединяется для торжества въ честь Честнѣйшей Херувимъ.

Но еще знаменательнѣе оно, когда вспомнимъ, что въ тотъ день, когда по улицамъ Бѣлграда несли доставленную изъ земного удѣла Божіей Матери — Святой Горы Аѳонской — икону Заступницы рода Христіанскаго, въ тотъ именно день исполнилось 1500 лѣть открытія Третьяго Вселенскаго Собора, когда вечеромъ народъ торжественно привѣтствовалъ Святыхъ Отцовъ, защитившихъ поч-

*Печатається съ 1933 года изданія въ «Прав. Русск. Календарь» на 1933 годъ, типографія Братства Прпд. Іова Почаевскаго во Владимиrowой у Свидника, Чехословакія.

таніе Богоматери и осудившихъ еретиковъ, ее хулившихъ.

Православные христіане, отдѣленные другъ оть друга пространствомъ или вѣками, объединяются своею любовію къ Той, Которая родила Соединившаго въ одно небесное и земное. Поистинѣ сбылись и сбываются Ея слова: “Отнынѣ ублажать Мя вси роди”.

I.

Почитаніе Божіей Матери во дни Ея земной жизни.

Оть Апостольскихъ временъ и до нашихъ дней всѣ истинно любящіе Христа воздаютъ почтеніе Той, Которая родила Его, воспитывала и оберегала въ дни дѣтства. Если Ее избралъ Богъ Отецъ, сошелъ на Нее Духъ Святый, Богъ Сынъ вселился въ Нее, повиновался Ей въ дни дѣтства, заботился о ней, вися на крестѣ, то не долженъ ли Ей кланяться всякой, исповѣдующій Святую Троицу?

Еще въ дни Ея земной жизни друзья Христовы, Апостолы, проявили большую заботливость и преданность по отношенію къ Матери Господа, въ особенности евангелистъ Иоаннъ Богословъ, который, исполняя волю Ея Божественного Сына, взялъ къ себѣ и заботился о Ней, какъ о Матери, съ того времени, какъ Господь со креста изрекъ ему: “Се мати Твоя”.

Евангелистъ Лука написалъ нѣсколько Ея изображений, одни вмѣстѣ съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, другія безъ Него. Когда онъ принесъ и показалъ ихъ Пресвятой Дѣвѣ, Она одобрила ихъ и сказала: “Благодать Сына Моего будетъ съ ними”, и повторила нѣкогда въ домѣ

Елисаветы воспѣтую Ею пѣснь: “Величить душа Моя Господа, и возрадовася духъ Мой о Бозѣ, Спасѣ Моеѧ.”

Впрочемъ, Дѣва Марія уклонялась во время своей земной жизни отъ славы, принадлежащей Ей, какъ Матери Господа. Она предпочитала проводить жизнь въ тишинѣ и подготовляться къ переходу въ вѣчную жизнь. До послѣдняго дня Своей земной жизни Она заботилась о томъ, чтобы оказаться достойной Царства Сына Своего, и передъ смертю молилась, чтобы Онъ избавилъ Ея душу отъ злобныхъ духовъ, встрѣчающихъ людскія души по пути къ небу и стремящихся захватить ихъ, чтобы отвести къ себѣ въ адъ. Господь исполнилъ молитву Своей Матери и въ часъ кончины Ея Самъ пришелъ съ неба со множествомъ ангеловъ пріять Ея душу.

Такъ какъ Божія Матерь молилась еще о томъ, чтобы могла проститься съ Апостолами, то Господь собралъ къ Ея кончинѣ и всѣхъ Апостоловъ, кроме Фомы, невидимою силою донесенныхъ въ тотъ день въ Іерусалимъ со всѣхъ концовъ вселенной, гдѣ они проповѣдовали, и они присутствовали при Ея блаженномъ переходѣ въ вѣчную жизнь.

Со священными пѣснопѣніями предали Апостолы погребенію Ея Пречистое тѣло, а на третій день открыли гробъ, чтобы еще разъ поклониться останкамъ Божіей Матери, вмѣстѣ съ прибывшимъ тогда въ Іерусалимъ апостоломъ Фомой. Но они не нашли въ гробѣ тѣла и въ недоумѣніи вернулись къ себѣ, а во время трапезы имъ явилась на воздухѣ Сама Богоматерь, сіяющая небеснымъ свѣтомъ и повѣдала, что Сынъ Ея прославилъ и тѣло Ея, и Она, воскрешенная, предстоитъ Его Престолу. При семъ обѣщала Она быть съ ними всегда.

Апостолы съ великою радостію привѣтствовали Богородицу и стали ее почитать не только, какъ Мать ихъ возлюбленнаго Учителя и Господа, но и какъ свою небесную помощницу, покровительницу христіанъ и зас-

тупницу за весь родъ людскій передъ Праведнымъ Судією.
И всюду, гдѣ проповѣдывалось Евангеліе Христово,
прославляться стала и Его Пречистая Матерь.

II.

Первые недруги почитанія Богоматери.

Чѣмъ болѣе распространялась Христова вѣра, чѣмъ больше на землѣ славилось Имя Спасителя міра, а вмѣстѣ съ Нимъ и Та, Которая удостоилась быть Матерью Богочеловѣка, тѣмъ больше увеличивалась и ненависть къ Ней враговъ Христовыхъ. Марія была Мать Іисусова. Она явила невиданный примѣръ чистоты и праведности, къ тому же Она, и переселившись изъ этой жизни, была могущественною, хотя и невидимою тѣлесными очами, поддержкою христіанъ. Поэтому всѣ, кто ненавидѣлъ Іисуса Христа и не вѣроваль въ Него, кто не понималъ Его ученія, вѣрнѣе сказать, не хотѣлъ понимать такъ, какъ понимала Церковь, кто хотѣлъ Христову проповѣдь замѣнить своими человѣческими умствованіями — всѣ они ненависть ко Христу, къ Евангелію и Церкви, переносили на Пречистую Дѣву Марію. Хотѣли унизить Мать, чтобы тѣмъ разрушить и вѣру въ Ея Сына, создать ложное представленіе о Ней среди людей, чтобы имѣть возможность и все христіанское ученіе перестроить на другихъ основанияхъ. Въ утробѣ Маріи соединился Богъ и человѣкъ, Она была Той, Которая послужила какъ бы лѣстницей для Сына Божія, Сшедшаго съ неба. Нанести ударъ почитанію Ея значить ударить христіанство по корню, разрушить въ самомъ основаніи.

И самое начало Ея небесной славы ознаменовалось на землѣ вспышкой злобы и ненависти къ Ней невѣрныхъ. Когда послѣ Ея Святой кончины, Апостолы несли Ея тѣло для погребенія въ Геѳсиманію къ выбранному Ею мѣсту, Иоаннъ Богословъ впереди несъ райскую вѣтвь, которую за три дня передъ тѣмъ архангель Гавріиль принесъ Святой Дѣвѣ, прійдя съ небесъ возвѣстить Ей о предстоящемъ переходѣ Ея въ небесныя обители.

“Во исходѣ Израилевѣ отъ Египта, дому Іаковля изъ людей варваръ” началь Апостоль Петръ псаломъ 113, “Аллилуia” подхватило все собраніе апостоловъ и ихъ учениковъ, какъ, напримѣръ, Діонисій Ареопагитъ, также чудесно доставленныхъ тогда въ Іерусалимъ. И когда пѣлась эта священная пѣснь, называвшаяся у евреевъ “великая аллилуia”, т.е. великое “хвалите Бога”, одинъ еврейскій священникъ, Аѳоній, подскочилъ къ носилкамъ и хотѣть, опрокинувъ ихъ, бросить на землю тѣло Богоматери.

Дерзость Аѳонія была тотчась наказана: Архангель Михаиль невидимымъ мечемъ отсѣкъ ему руки, оставшіяся висѣть на носилкахъ. Пораженный Аѳоній, испытывая мучительную боль, въ сознаніи своего грѣха обратился съ молитвой къ ненавидимому имъ дотолѣ Іисусу и былъ тотчась исцѣленъ. Онъ не замедлилъ принять христіанство и исповѣдать его предъ своими бывшими единовѣрцами, за что и принялъ отъ нихъ мученическую кончину. Такъ попытка оскорбить честь Богоматери послужила къ Ея большему прославленію.

Враги Христовы не рѣшились больше грубою силою проявлять свое непочтеніе къ тѣлу Пречистой, но злоба ихъ не прекратилась. Видя, что христіанство всюду распространяется, они начали распространять про христіанъ разные гнусныя клеветы. Не пощадили они и имя Матери Христовой и выдумали, будто Іисусъ изъ Наза-

рета происходилъ изъ низкой и безнравственной среды, и мать Его дружила съ однимъ римскимъ солдатомъ.

Но ложь была здѣсь слишкомъ очевидная, чтобы эта выдумка могла привлечь къ себѣ серьёзное вниманіе. Всю семью Обручника Іосифа и Саму Марію хорошо знали современные имъ жители Назарета и его окрестностей. “Откуду сему премудрость сія и силы? Не сей ли есть тектонъ, сынъ тектоновъ, Іосифовъ, сынъ Маріинъ, братъ же Іакову и Іосію и Іудѣ и Симону? И не сестры ли его здѣ суть въ нась?” говорили Его соотечественники въ Назарете, когда Христосъ обнаружилъ передъ ними въ синагогѣ Свою неземную мудрость. (Мѳ. XIII, 54-55; Мр. VI, 3; Лк. IV, 22). Въ маленькихъ городкахъ хорошо извѣстны семейныя подробности каждого; за чистотой брачной жизни тогда весьма строго наблюдали.

Неужели бы къ Іисусу съ уваженіемъ относились, позволяли проповѣдывать въ синагогѣ, если бы Онъ былъ рожденъ отъ незаконнаго сожительства? Къ Маріи былъ бы примѣненъ законъ Моисеевъ, повѣльвавшій побивать камнями подобныхъ лицъ; фарисеи не разъ бы воспользовались случаемъ упрекнуть Христа за поведеніе Его Матери. А между тѣмъ было обратное, Марія пользовалась большимъ уваженіемъ, въ Канѣ была почетною гостьюю на свадьбѣ, и даже, когда осудили Сына Ея, никто не позволилъ себѣ высмѣивать или порицать Его Мать.

III

Попытки евреевъ и еретиковъ опорочить Приснодѣвство Маріи.

Еврѣйскіе клеветники скоро убѣдились, что опорочить Мать Іисуса почти невозможно, и на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыми они сами располагаютъ, гораздо легче доказать Ея похвальную жизнь. Поэтому они оставляютъ эту свою клевету, уже подхваченную было язычниками (Оригенъ, «Противъ Цельса», I), и стараются доказать, по крайней мѣрѣ, что Марія не была дѣвою, когда раждала Христа. Они говорять даже, что и предсказанія о рождениіи Мессіи дѣвою никогда не существовало, что поэтому совершенно напрасно христіане думаютъ возвысить Іисуса тѣмъ, что будто на Немъ исполнилось пророчество.

Нашлись еврѣйскіе переводчики (Акила, Симахъ, Феодотіонъ), которые составили новые переводы Ветхаго Завѣта на греческій языкъ и въ нихъ они извѣстное пророчество Исаіи перевели: “Вотъ, молодая женщина зачнетъ” (Исаія VII, 14); они утверждали, что еврѣйская рѣчь “ААЛМА” означаетъ молодую женщину, а не дѣву, какъ стояло въ священномъ переводѣ 70 толковниковъ, гдѣ это мѣсто переведено “Се дѣва во чревѣ пріиметь”.

Новымъ переводомъ хотѣли показать, что христіане на основаніи неправильнаго перевода слова “ААЛМА” думаютъ приписать Маріи совершенно невозможное — рожденіе безъ мужа, въ то время, какъ въ дѣйствительности Христово рожденіе ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ человѣческихъ рожденій.

Однако, злонамѣренность новыхъ переводчиковъ ясно обнаружилась, такъ какъ изъ сличенія разныхъ мѣсть Библій ясно видно, что слово “ААЛМА” означаетъ

именно “дѣва”. Да и не только евреи, но и язычники на основаніи своихъ преданій и разныхъ предсказаний ожидали, что Избавитель міра родится оть Дѣвы. Евангеліе ясно говорило, что Господь Іисусъ родился оть Дѣвы.

“Како будеть сie, идѣже мужа не знаю”, спрашивала давшая обѣтъ дѣвства Марія у Архангела Гавріила, благовѣстившаго Ей о рожденіи Христа.

И отвѣтиль Ангель: “Духъ Святый найдеть на Тя и Сила Вышняго осѣнить Тя; тѣмже и раждаемое свято наречется Сынъ Божій” (Луки I, 34-35).

Позднѣе Ангель явился и праведному Іосифу, который захотѣлъ отпустить изъ дому Марію, ведя что Она зачала, не вступая съ нимъ въ брачное сожительство. Іосифу Архангель Гавріиль сказалъ: “Не убойся пріяти Маріамъ, жены твоєя, рождаеboся въ Ней оть Духа есть Свята”, и напомниль ему пророчества Исаї о зачатіи Дѣвою (Матея, I, 18-25).

Прозябшій Аароновъ жезль, камень безъ рукъ отторгнувшійся оть горы, видѣнныи Навуходоносоромъ во снѣ, истолкованномъ пророкомъ Данииломъ, затворенные врата, видѣнныя пророкомъ Іезекілемъ, и многое другое въ Ветхомъ Завѣтѣ прообразовало рожденіе Дѣвою. Подобно тому, какъ Адамъ былъ сотворенъ Словомъ Божімъ изъ необдѣланной и дѣвственной земли, такъ и Себѣ Слово Божіе создало плоть оть дѣвственной утробы, когда Сынъ Божій сдѣлался новымъ Адамомъ, чтобы исправить грехопаденіе первого Адама (Св. Ириней Ліонскій, кн. III).

Отвергать безсъменное рожденіе Христа могутъ и могли лишь отвергающіе Евангеліе, а Христова Церковь искони исповѣдує Христа “воплотившагося оть Духа Свята и Маріи Дѣвы”. Но рожденіе Бога оть Приснодѣвы явилось камнемъ преткновенія для тѣхъ людей, которые желали называться христіанами, но не желали смириться

умомъ и ревновать о чистотѣ жизни. Чистая жизнь Маріи явилась укоромъ для тѣхъ, которые нечисты и въ своихъ помыслахъ. Чтобы показаться христіанами, онѣ смѣли отрицать, что Христосъ родился отъ Дѣвы, но стали утверждать, что Марія оставалась Дѣвою лишь “*дондеже* роди сына Своего первенца Иисуса”.

“Послѣ рожденія Иисуса”, говорилъ въ 4 вѣкѣ лжеучитель Гелвидій, а также многіе до и послѣ него, “Марія вступила въ супружескую жизнь съ Іосифомъ и имѣла отъ него дѣтей, именуемыхъ въ Евангеліи братьями и сестрами Христа”. Но слово “*дондеже*” не означаетъ, что Марія оставалась дѣвою лишь до извѣстнаго времени. Слово “*дондеже*” и ему подобныя часто означаютъ вѣчность. Въ Священномъ Писаніи говорится о Христѣ: “Возсіяеть во днехъ Его правда и множество мира, *дондеже* отымется луна” (Псаломъ 71, 7), но это не означаетъ, что когда не станетъ луны при кончинѣ свѣта, не станетъ правды Божіей; тогда-то именно она восторжествуетъ. Или что значитъ сказанное: “подобаетъ Ему царствовати, *дондеже* положить вся враги подъ ногами Своими”? Неужели Господь имѣетъ царствовати лишь столько времени, пока враги Его не будутъ подъ ногами Его! И Давидъ въ четвертомъ псалмѣ степеней говорить: “яко очи рабыни въ руку госпожи своея, тако очи наши ко Господу Богу нашему, *дондеже* ущедрить ны”. Итакъ, пророкъ будетъ имѣть очи ко Господу до тѣхъ поръ, пока не испросить милости, а испросивши милость, обратить на землю? (Блаж. Іеронимъ, «О приснодѣвствѣ Бл. Маріи»; I Кор. XV, 26; Псаломъ 122, 3). Спаситель въ Евангеліи говорить апостоламъ: “Се азъ съ вами есмъ во вся дни до скончанія вѣка”. Итакъ, по скончаніи вѣка Господь отступить отъ учениковъ своихъ, и тогда, когда они на двѣнадцати престолахъ будутъ судить двѣнадцать колѣнь израильскихъ, они не будутъ имѣть обѣщаннаго

общенія съ Господомъ? (Блаж. Иеронимъ, тамъ же; Мѳ. XXVIII, 20).

Неправильно также думать, будто братья и сестры Христовы были дѣтьми Его Пресвятой Матери. Названія “брать” и “сестра” имѣютъ самое различное значеніе. Обозначая извѣстное родство между людьми или ихъ духовную близость, эти слова употребляются то въ болѣе широкомъ, то въ болѣе узкомъ смыслѣ. Во всякомъ случаѣ братьями или сестрами называются люди, имѣющіе общихъ отца и мать, или только общаго отца или мать, даже происходящіе отъ разныхъ отцовъ и матерей, если ихъ родители позднѣе (овдовѣвші) сочетались бракомъ (сводные братья), или же, если ихъ родители связаны близкими степенями родства (братья двоюродные).

Изъ Евангелія нигдѣ не видно, чтобы названные тамъ братья Іисусовы были или считались дѣтьми Его Матери. Наоборотъ, было извѣстно, что Іаковъ и другіе были сыновья Іосифа, Обручника Маріи, который былъ вдовъ и отъ первой жены имѣль дѣтей. (Св. Епифаній Кипрскій, «Панаріонъ о ереси», 78). Также и сестра Матери Его, Марія Клеопова, которая съ нею стояла у креста Господня (Іоанна, XIX, 25), также имѣла дѣтей, которыхъ съ полнымъ правомъ, въ виду столь близкаго родства, могли называться братьями Господними. Что, такъ называемые, братья и сестры Господни не были дѣтьми Его Матери, ясно видно изъ того, что Господь поручилъ передъ смертью Свою Мать возлюбленному Своему ученику Іоанну. Для чего бы Онъ это дѣлалъ, еслибъ Она имѣла еще дѣтей, кромѣ Него? Они бы сами позаботились о Ней. Сыновья же Іосифа, мнимаго отца Іисусова, не считали себя обязанными заботиться о своей, какъ они думали, мачихѣ, или, во всякомъ случаѣ, не питали къ ней такой любви, съ какой относятся родныя дѣти къ родителямъ, и которую возымѣль къ Ней усыновленный Іоаннъ.

Такимъ образомъ, внимательное изученіе Священнаго Писанія съ полной ясностью обнаруживаетъ несостоительность возраженій противъ Приснодѣвства Маріи и посрамляетъ тѣхъ, кто учитъ иначе.

IV

Несторіанская ересь, провозгласившая Богородицу только Христородицею, и III Вселенский Соборъ.

Когда должны были замолчать тѣ, кто дерзаль говорить противъ святости и непорочности Пресвятой Дѣвы Маріи, тогда была сдѣлана попытка разрушить почитаніе Ея, какъ БОЖІЕЙ МАТЕРИ. Въ V вѣкѣ константинопольскій архіепископъ Несторій сталъ проповѣдывать, что отъ Маріи родился лишь человѣкъ Іисусъ, въ котораго вселилось божество и обитало въ Немъ, какъ въ храмѣ. Онъ позволилъ сначала своему пресвитеру Анастасію, а потомъ и самъ началь, открыто поучать въ церкви, что Марію нельзя называть Богородицей, такъ какъ Она не родила Богочеловѣка. Онъ считалъ унизительнымъ для себя поклоняться младенцу, обвитому пеленами и лежащему въ ясляхъ.

Такіе проповѣди вызвали всеобщее смущеніе и беспокойство за чистоту вѣры сначала въ Константино-полѣ, а потомъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, куда дошли слухи о новомъ ученіи. Св. Прокль, ученикъ Іоанна Златоустаго, бывшій тогда епископомъ Кизическимъ, а впослѣдствіи архіепископомъ Царьградскимъ, въ при-

существії Несторія произнесъ въ церкви проповѣдь, въ которой исповѣдувалъ Сына Божія, родившагося плотію отъ Дѣвы, которая воистину есть Богородица, ибо уже во чревѣ Пречистой, во время зачатія, Божество соединилось съ зачатымъ отъ Святаго Духа Младенцемъ, Который хотя лишь человѣческою своею природою родился отъ Дѣвы Маріи, но родился уже истиннымъ Богомъ и истиннымъ человѣкомъ.

Несторій упорствовалъ и не соглашался измѣнить свое ученіе, говоря, что нужно отличать Іисуса и Сына Божія, что Марію нужно называть не Богородицею, а Христородицею, такъ какъ Іисусъ, родившійся отъ Маріи, быть лишь человѣкъ—Христосъ (что значитъ Мессія, помазанникъ), подобный прежнимъ помазанникамъ Божіимъ — пророкамъ, только превосходившій ихъ полною общеніемъ съ Богомъ. Ученіе Несторія, такимъ образомъ, являлось отрицаніемъ всего домостроительства Божія, ибо если отъ Маріи родился лишь человѣкъ, то не Богъ пострадалъ за нась, а человѣкъ.

Святый Кирилль, архіепископъ александрійскій, узнавъ о ученії Несторія и церковныхъ настроенияхъ, вызванныхъ имъ въ Константинополѣ, написалъ письмо Несторію, въ которомъ убѣждалъ его держаться того ученія, которое Церковь исповѣдуvalа отъ своего основанія, и не вводить въ него ничего новаго. Кромѣ того, св. Кирилль писалъ клиру и народу константинопольскому, чтобы были тверды въ православной вѣрѣ и не боялись гоненій со стороны Несторія на тѣхъ, кто не былъ согласенъ съ нимъ. Сообщилъ св. Кирилль обо всемъ и въ Римъ, Св. папѣ Келестину, который со всей своей паствой былъ тогда твердъ въ православіи.

Св. Келестинъ со своей строны писалъ Несторію и призывалъ его проповѣдувать православную, а не свою собственную вѣру. Несторій оставался глухъ ко всѣмъ

убѣжденіямъ и отвѣчаль, что то, что онъ проповѣдуетъ, и есть православная вѣра, а его противники — еретики. Св. Кирилль еще писалъ Несторію и составилъ 12 анаѳематствъ, т. е. изложилъ въ 12 членахъ главныя отличія православнаго ученія отъ проповѣдуемаго Несториемъ, признавая отлученнымъ отъ церкви всякаго, который бы отвергалъ хотя одинъ изъ составленныхъ имъ членовъ.

Несторій отвергъ цѣликомъ все, изложенное св. Кирилломъ, и написалъ свое изложеніе проповѣдуемаго имъ ученія, также въ 12 членахъ, предавая анаѳемѣ, т. е. отлученію отъ церкви, каждого, кто ихъ не прійметъ. Опасность за чистоту вѣры все возрастала. Св. Кирилль написалъ письма царю Феодосію Малому, тогда царствовавшему, его женѣ Евдокіи и сестрѣ царя Пульхеріи, прося ихъ также позаботиться о церковныхъ дѣлахъ и обуздать ересь.

Рѣшено было созвать Вселенскій соборъ, на которомъ іерархи, собранные съ разныхъ концовъ вселенной, рѣшили бы, православна ли вѣра, проповѣдуемая Несториемъ. Мѣстомъ собора, бывшаго III Вселенскимъ, былъ избранъ ими городъ Ефесъ, въ которомъ нѣкогда имѣла пребываніе Пресвятая Дѣва Марія съ Апостоломъ Іоанномъ Богословомъ. Св. Кирилль собралъ своихъ соепископовъ въ Египтѣ и вмѣстѣ съ ними на корабляхъ поѣхалъ въ Ефесъ. Изъ Антіохіи сухимъ путемъ поѣхали Іоаннъ, архіепископъ антіохійскій съ восточными епископами. Римскій епископъ Св. Келестинъ не могъ самъ Ѳхать и просилъ Св. Кирилла защищать православную вѣру, а кромѣ того еще отъ себя послать двухъ епископовъ и пресвитера римской церкви Филиппа, которымъ тоже даль указанія, что нужно говорить. Въ Ефесъ прибыли также Несторій и епископы Константинопольского округа, епископы палестинские, малоазійские и кипрскіе.

Въ десятия іюльскія календы по римскому исчис-

ленію, т. е., 22 іюня 431' года, въ Ефесской церкви Дѣвы Маріи собрались епископы во главѣ съ александрійскимъ епископомъ Кирилломъ и Ефесскимъ епископомъ Мемнономъ и заняли мѣста. Въ срединѣ было положено Евангеліе, какъ знакъ невидимаго возглавленія Вселенскаго собора самимъ Христомъ. Сначала прочитали Символъ Вѣры, составленный I и II Вселенскими Соборами, затѣмъ доставленную представителемъ царей Феодосія и Валентина, императоровъ Восточной и Западной частей Имперіи, Царскую грамату собору.

Выслушавши Царскую грамату, приступили къ чтенію документовъ и прочитали предшествовавшія собору посланія Кирилла и Келестина Несторію и отвѣты Несторія. Соборъ устами своихъ членовъ призналь ученіе Несторія нечестивымъ и осудилъ его, признавъ Несторія лишеннымъ каѳедры и священства. Было составлено обѣ этомъ постановленіе, подписанное около 160 участниками собора, а такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ представляли и другихъ епископовъ, не имѣвшихъ возможности лично прибыть на соборъ, то опредѣленіе собора явилось рѣшеніемъ свыше 200 епископовъ, имѣвшихъ каѳедры въ разныхъ краяхъ тогдашней церкви, причемъ, они свидѣтельствовали, что исповѣдуютъ ту вѣру, которая искони содержалась въ ихъ мѣстахъ.

Такимъ образомъ, постановленіе собора было голосомъ Вселенской Церкви, съ ясностью выразившей свою вѣру, что Христосъ, рожденный отъ Дѣвы, есть истинный Богъ вочеловѣчившійся, а поелику Марія родила совершенного человѣка, бывшаго въ то же время совершеннымъ Богомъ, Она справедливо должна почитаться Богородицею.

По окончаніи засѣданія постановленіе его было немедленно сообщено ожидавшему его народу. Весь Ефесъ возликовалъ, узнавши, что защищено почитаніе

Святой Дѣвы, особенно чтимой въ этомъ городѣ, жительницей котораго Она была во время земной жизни, и по-кровительницей послѣ перехода въ вѣчную. Народъ восторженно привѣтствовалъ отцовъ, вечеромъ возвращавшихся къ себѣ послѣ засѣданія, провожалъ ихъ до домовъ съ зажженными факелами и воскуряль на улицахъ благоуханіе. Всюду слышалось радостное привѣтствіе, прославленіе Приснодѣвы и восхваленіе отцовъ, защитившихъ Ея Имя отъ еретиковъ. Постановленіе собора было развѣшено на улицахъ Ефеса.

Соборъ имѣлъ еще 5 засѣданій: 10 и 11 іюня, 16, 17 и 22 іюля и 31 августа. На нихъ въ 6 правилахъ были изложены мѣры воздействія противъ тѣхъ, кто дерзнетъ распространять ученіе Несторія и отметать постановленія Ефесскаго собора.

По жалобѣ Кипрскихъ епископовъ на притязанія Антіохійскаго епископа соборъ опредѣлилъ, чтобы Кипрская Церковь сохраняла свою независимость въ церковномъ управлениі, которую имѣла отъ апостоловъ, и вообще никто изъ епископовъ не подчиняль бы себѣ областей, которые были независимы отъ него прежде, "чтобы подъ предлогомъ священства не вкрадась гордость земной власти, и чтобы мы не утратили, погубляя мало по малу, той свободы, которую даровалъ намъ Свою кровию Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Освободитель всѣхъ человѣковъ."

Соборъ также подтвердилъ осужденіе пелагіевой ереси, учившей, что человѣкъ можетъ спастись своими силами, безъ необходимости имѣть Божію благодать, рѣшиль нѣкоторыя дѣла церковнаго управлениія и обратился съ посланіями къ епископамъ, не бывшимъ на соборѣ, возвѣщаючи свои постановленія и призываючи всѣхъ стоять на стражѣ православной вѣры и церковнаго мира. При этомъ соборъ призналъ, что ученіе Православной Вселенской

Церкви достаточно полно и ясно изложено въ Никеоцареградскомъ Символѣ Вѣры, почему и самъ не составилъ новаго Символа Вѣры и воспретилъ впредь “слагать иную вѣру,” т.е. составлять иные символы вѣры или дѣлать измѣненія въ Символѣ, утвержденномъ на Второмъ Вселенскомъ Соборѣ.

Послѣднее было нарушено черезъ нѣсколько вѣков западными христіанами, когда сначала въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, а потомъ и во всей римской церкви была сдѣлана въ Символѣ добавка, что Духъ Святый исходить “и отъ Сына”, каковую добавку одобряютъ съ XI вѣка римскіе папы, хотя до этого времени ихъ предшественники, начиная со Св. Келестина, твердо держались рѣшенія Ефесскаго Собора, бывшаго III Вселенскимъ, и исполняли его.

Такъ водворился въ Церкви миръ, нарушенный Несториемъ. Была защищена истинная Вѣра, и обличено лжеученіе.

Ефесскій Соборъ по справедливости почитается Вселенскимъ, наравнѣ съ предшествовавшими ему Никейскимъ и Царьградскимъ. На немъ присутствовали представители всей Церкви, его рѣшенія были приняты всей Церковю “отъ конецъ до конецъ вселенныя,” на немъ было исповѣдано то ученіе, которое содержалось Церковю отъ временъ апостольскихъ. Соборъ не создалъ новаго ученія, но громогласно засвидѣтельствовалъ истину, которую пытались замѣнить вымысломъ; онъ точно изложилъ исповѣданіе Божества Христа, рожденного отъ Дѣвы. Вѣрованіе Церкви и ея сужденіе по затронутому вопросу были теперь такъ ясно выражены, что никто не могъ больше приписывать Церкви своихъ лжеумствованій. Могли подниматься въ дальнѣйшемъ другіе вопросы, требующіе рѣшенія всей Церкви, но не о томъ, былъ ли Иисусъ Христосъ Богомъ.

Послѣдующіе Соборы основывались въ своихъ рѣшеніяхъ на постановленіяхъ, имъ предшествовавшихъ, не составляли новаго Символа Вѣры и лишь разъясняли его. На III Вселенскомъ Соборѣ твердо и ясно исповѣдано учение Церкви о Божіей Матери. Прежде Святыми отцами были обличены клеветавши на непорочную жизнь Дѣвы Маріи, а теперь объ умаляющихъ Ея честь всѣмъ возвѣщалось: "Кто не исповѣдуется Еммануила истиннымъ Богомъ и посему Святую Дѣву Богородицею, такъ какъ Она во плоти родила Слово, сущее отъ Бога Отца, ставшее плотию: да будетъ анаѳема" (отлучень отъ церкви — анаѳематство Св. Кирилла Александрійского).

V.

Попытки иконоборцевъ уменьшить славу Царицы Небесной и ихъ посрамленіе.

Послѣ III Вселенскаго Собора еще ревностнѣе стали прибѣгать христіане, какъ въ Царьградѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, къ представительству Божіей Матери, и ихъ надежды на Ея заступленіе не оказывались напрасными. Она являла Свою помощь многочисленнымъ больнымъ, беспомощнымъ и бѣдствующимъ. Она многократно являлась защитницей Царьграда отъ враговъ вѣшнихъ, однажды даже показавъ видимымъ образомъ препод. Андрею юродивому Свой дивный Покровъ надъ народомъ, молившимся ночью во Влахернской церкви.

Царица Небесная давала побѣду Византійскимъ Царямъ во бранѣхъ, почему тѣ имѣли обычай брать съ

совою въ походы Ея икону Одигитрії (Путеводительницы). Она укрѣпляла подвижниковъ и ревнителей христіанской жизни въ ихъ борьбѣ со страстями и слабостями человѣческими. Она просвѣщала и наставляла отцовъ и учителей церкви, въ томъ числѣ и самого св. Кирилла Александрійскаго, когда онъ колебался признать невинность и святость Иоанна Златоустаго.

Пречистая Дѣва влагала пѣсни въ уста составителей церковныхъ пѣснопѣній, иногда дѣлая знаменитыми пѣвцами неспособныхъ и не имѣвшихъ пѣсненаго дара, но благочестивыхъ тружениковъ, какъ, напримѣръ, св. Романа Сладкопѣвца. Удивительно ли поэтому, что христіане старались возвеличить имя Своей всегдашней Заступницы. Въ Ея честь устанавливались праздники, Ей посвящались дивныя пѣсни, Ея изображенія почитались.

Злоба “князя міра сего” вооружила “сыновъ отступленія” еще разъ поднять брань противъ Еммануила и Его Матери въ томъ же Царьградѣ, почитавшемъ теперь, какъ и прежде Ефесь, Божію Матерь своею Заступницей. Не смѣя сначала открыто говорить противъ Взбранной Воеводы, хотѣли уменьшить Ея прославленіе тѣмъ, что запретили почитать иконы Христа и Его угодникъ, называя это идолопоклонствомъ. Богоматерь и здѣсь укрѣпляла ревнителей благочестія въ борьбѣ за почитаніе образовъ, явивъ многія знаменія отъ Своихъ иконъ и исцѣливъ отсѣченную руку писавшаго въ защиту иконы Иоанна Дамаскина.

Гоненіе почитателей иконъ и святыхъ окончилось опять побѣдою и торжествомъ православія, ибо поченіе, воздаваемое иконамъ, восходитъ къ изображаемымъ на нихъ; святые же угодники Божіи чтутся, какъ друзья Божіи, ради благодати Божіей, вселившейся въ нихъ, согласно словамъ псалма “мнѣ же зѣло честни быша друзи Твои”. Особенной честью на небѣ и на землѣ прославлена

Пречистая Богоматерь, даже въ дни поруганія святыхъ иконъ явившая черезъ нихъ настолько дивныя чудеса, что и теперь мы съ умиленiemъ вспоминаемъ о нихъ. Пѣснь “О Тебѣ радується, Благодатная, всякая тварь” и икона «Троеручица» напоминаютъ объ исцѣлениіи Іоанна Дамаскіна передъ этой иконой; изображеніе Иверской иконы Божіей Матери — о чудесномъ спасеніи отъ враговъ этой иконы, брошенной въ море вдовицей, не могшей спасти ея.

Никакія гоненія на чущихъ Богоматерь, и все, что связано съ памятью о Ней, не смогли уменьшить любовь христіанъ къ своей Заступницѣ. Установилось правило, что каждый рядъ богослужебныхъ пѣсенъ оканчивается пѣсней или стихомъ въ честь Богоматери (такъ наз. богочестивымъ). Многократно въ году христіане въ разныхъ концахъ вселенной собираются, какъ и прежде собирались, въ храмѣ, чтобы восхвалить Ее, поблагодарить за оказанныя благодѣянія и испросить милости.

Но супостать христіанъ діаволь, который “яко левъ рыкая ходить, искій кого поглотити” (І Петра V,8), развѣ могъ остаться равнодушнымъ зрителемъ славы Пренепорочной? Развѣ онъ могъ признать себя побѣжденнымъ и перестать вести борьбу съ истиной черезъ людей, творящихъ его волю? И вотъ, когда вся вселенная огласилась благовѣстіемъ Христовой вѣры, когда всюду призывалось имя Пресвятой, земля наполнилась храмами, дома у христіанъ украшались Ея иконами, Ей посвященными, тогда появилось и начало распространяться новое лжеученіе о Богоматери. Это лжеученіе тѣмъ опасно, что многіе не могутъ сразу понять, насколько оно подрываетъ истинное почитаніе Богоматери.

VI.

“РЕВНОСТЬ НЕ ПО РАЗУМУ” (Рим. X, 2). Извращеніе латинянами въ новоизмышленномъ догматѣ «Непорочнаго зачатія» истиннаго почи- танія Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи.

Когда обличены были порицающіе непорочную жизнь пресвятой Дѣви, отрицающіе Ея Приснодѣвство, отрицающіе Ея достоинство Божіей Матери, гнушающіеся Ея иконъ — тогда, когда слава Богородицы освѣтила всю вселенную, тогда появилось ученіе, какъ будто возвышающее высоко Дѣву Марію, а въ дѣйствительности отвергающее всѣ Ея добродѣтели.

Это ученіе называется ученіемъ о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи, а приняли его послѣдователи римскаго папскаго престола. Оно состоитъ въ томъ, что “Преблагословленная Дѣва Марія въ первомъ мгновеніи Своего зачатія, по особенной благодати Всемогущаго Бога и особому преимуществу, ради будущихъ заслугъ Иисуса Христа, Спасителя рода человѣческаго, была сохранена свободною отъ всякой скверны первородной вины” (Булла папы Пія IX о новомъ догматѣ). Другими словами, Божія Матерь при самомъ зачатіи была сохранена отъ первороднаго грѣха и благодатію же Божію была поставлена въ невозможность имѣть и личные грѣхи.

Христіане не слышали про это до IX вѣка, когда впервые Корвейскій аббать Пасхазій Радберть высказалъ мнѣніе, что Святая Дѣва была зачатаю безъ первороднаго грѣха. Начиная отъ XII вѣка эта мысль начинаетъ распространяться среди духовенства и паствы западной церкви, уже отпавшей отъ Вселенской церкви, и тѣмъ лишившейся благодати Святаго Духа.

Впрочемъ, и члены римской церкви далеко не всѣ соглашались съ новымъ ученіемъ. Раздѣлились въ мнѣніяхъ даже знаменитѣйшіе богословы запада, такъ сказать, столпы латинской церкви. Фома Аквинатъ и Бернардъ Клервосскій рѣшительно порицали его, въ то время какъ Дунсь Скотъ его защищалъ. Отъ учителей раздѣленіе перешло къ ихъ ученикамъ: латинскіе монахи доминиканцы, за своимъ учителемъ Фомою Аквинатомъ, проповѣдавали противъ ученія о непорочномъ зачатіи, а послѣдователи Дунса Скотта — францисканцы старались его всюду насадить. Борьба между этими двумя теченіями продолжалась въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. И на одной и на другой сторонѣ были личности, считавшіяся среди католиковъ величайшими авторитетами.

Не помогало рѣшенію вопроса то, что нѣкоторые сообщали, что имѣютъ о семъ откровеніе свыше. Знаменитая въ XIV вѣкѣ среди католиковъ монахиня Бригитта въ своихъ запискахъ говорила о явленіяхъ ей Богородицы, Которая Сама ей сказала, что Она зачата непорочно, безъ первороднаго грѣха; а еще болѣе знаменитая современная ей подвижница Екатерина Сіенская утверждала, что въ зачатіи св. Дѣва была причастна первородному грѣху, откровенія же она получаетъ отъ самого Христа (Прот. Ал. Лебедевъ. «Разности въ ученіи о Пресвятой Богородице церкви восточной и западной»).

Такимъ образомъ, ни на основаніи богословскихъ сочиненій, ни на основаніи чудесныхъ явленій, взаимно противорѣчащихъ, латинская паства не могла разобраться долгое время, гдѣ же истина. Римскіе папы до Сикста IV (конецъ XV вѣка) оставались въ сторонѣ отъ этихъ споровъ, только сей папа въ 1475 году одобрилъ службу, въ которой ясно выражалось ученіе о непорочномъ зачатіи, а нѣсколько лѣтъ спустя воспретилъ осуждать

тѣхъ, кто вѣруетъ въ непорочное зачатіе. Однако, и Сикстъ IV не рѣшился еще утверждать, что таково есть непоколебимое ученіе церкви, почему, запретивъ осуждать тѣхъ, кто вѣруетъ въ непорочное зачатіе, онъ не осуждалъ и тѣхъ, кто вѣруетъ иначе.

Ученіе о непорочномъ зачатіи тѣмъ временемъ пріобрѣтало все больше сторонниковъ среди членовъ римско-папистической церкви. Причиной этому было то, что казалось весьма благочестивымъ и угоднымъ Богоматери воздавать Ей какъ можно больше славы. Стремленіе народа прославить Небесную Заступницу съ одной стороны, а съ другой стороны уклоненіе западныхъ богослововъ въ отвлеченные разсужденія, приводящія къ лишь кажущейся истинѣ (схоластика), наконецъ, покровительство римскихъ папъ, послѣ Сикста IV — все это привело къ тому, что мнѣніе о непорочномъ зачатіи, высказанное Пасхазіемъ Радбертомъ въ IX вѣкѣ, было уже всеобщимъ вѣрованіемъ латинской церкви въ XIX вѣкѣ. Оставалось лишь окончательно это провозгласить церковнымъ ученіемъ, что и сдѣлалъ римскій папа Пій IX, во время торжественнаго служенія 8 дек. 1854 г. объявившій, что непорочное зачатіе Пресв. Дѣвы есть догматъ римской церкви.

Такимъ образомъ, римская церковь прибавила еще одно отступленіе отъ того ученія, которое исповѣдывала, пока была членомъ Соборной Апостольской Церкви, каковую вѣру нерушимо и безъ перемѣнъ и доселѣ содержить Православная Церковь. Провозглашеніе новаго догмата удовлетворило широкіе круги народа, принадлежащаго къ римской церкви, въ простотѣ сердца думавшаго, что провозглашеніе новаго ученія въ церкви послужить къ вицѣйшей славѣ Богоматери, Которой они этимъ какъ бы дѣлаютъ подарокъ; было удовлетворено и

честолюбіе западныхъ богослововъ, защищавшихъ и разработавшихъ его; а больше всего провозглашеніе новаго догмата принесло пользу самому римскому престолу, такъ какъ, провозгласивши новый догматъ своей властью, хотя и выслушавъ мнѣнія епископовъ католической церкви, римскій папа тѣмъ самыемъ открыто присвоилъ себѣ право измѣнять ученіе римской церкви и поставилъ свой голосъ выше свидѣтельства Священнаго Писанія и Преданія. Отсюда прямымъ выводомъ было, что римскіе папы непогрѣшими въ дѣлахъ вѣры, что тотъ же папа Пій IX также провозгласиль догматомъ католической церкви въ 1870 году.

Такъ измѣнялось ученіе западной церкви, отпавшей оть общенія съ Истинной Церковью. Она вводить у себя новыя и новыя ученія, думая тѣмъ больше прославить Истину, а въ дѣйствительности искажая ее. Въ то время, какъ Православная Церковь смиренно исповѣдуется то, что пріяла оть Христа и Апостоловъ, римская церковь дерзаетъ дополнять это, то изъ “ревности не по разуму” (Римл. X, 2), то уклоняясь въ суесловія и прекословія лжеименного разума (I Тим. VI, 20). Иначе и не могло быть; что “врата адovы не одолѣютъ Церкви”, (Мѳ. XVI, 18), обѣщано лишь истинной, вселенской Церкви, а надъ отпавшими оть нея сбываются слова: “якоже розга не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ: тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете”. (Иоанна XV, 4).

Правда, въ самомъ опредѣленіи новаго догмата говорится, что не устанавливается новое ученіе, а лишь провозглашается, какъ церковное, то, которое всегда существовало въ церкви, котораго держались многіе святые отцы, выдержки изъ твореній коихъ приводятся. Однако, всѣ приведенные изреченія говорять лишь о высокой чѣсти Дѣвы Маріи, Ея непорочности, даютъ Ей

многія имена, опредѣляющія Ея чистоту и духовную мощь, но нигдѣ не говорится о непорочности въ зачатіи. Между тѣмъ, тѣ же святые отцы въ другихъ мѣстахъ говорять, что лишь Іисусъ Христосъ совершенно чистъ отъ всякаго грѣха, всѣ же люди, какъ рожденные отъ Адама, носили плоть подверженную закону грѣха.

Никто изъ древнихъ святыхъ отцевъ не говоритъ, что Богъ чудеснымъ образомъ еще въ утробѣ очистилъ дѣву Марию, а многіе прямо указываютъ, что дѣва Марія, какъ и всѣ люди, претерпѣла борьбу съ грѣховностью, но явилась побѣдительницей надъ соблазнами и спасена Своимъ Божественнымъ Сыномъ.

Толкователи латинскаго вѣроисповѣданія также говорятъ, что Дѣва Марія спасена Христомъ, но понимаютъ это такъ, что Марія была предохранена отъ скверны первородной вины въ виду будущихъ заслугъ Христовыхъ (Булла о догматѣ непорочного зачатія). Дѣва Марія, по ихъ ученію, какъ бы впередъ получила тотъ даръ, который Христосъ принесъ людямъ Своими страданіями и крестной смертью. Больше того. Говоря о мукахъ Богородицы, которая Она претерпѣла, стоя при крестѣ Своего возлюбленнаго Сына, и вообще о тѣхъ печалихъ, которыми была исполнена жизнь Богоматери, они считаютъ ихъ дополненіемъ къ страданіямъ Христовымъ, а Марію нашей соискупительницей. По толкованію латинскихъ бгослововъ “Марія сообщна нашему Искупителю, какъ соискупительница” (См. Лебедевъ, тамъ же, стр. 273.) “Въ дѣлѣ искупленія Она нѣкоторымъ образомъ помогала Христу” (Катихизисъ д-ра Ваймара). “Матерь Божія, — пишетъ д-ръ Ленцъ, — не только мужественно перенесла бремя Своего мученичества, но и съ радостью, хотя и съ разбитымъ сердцемъ” («Маріологія д-ра Ленца»). По сей причинѣ Она есть “дополненіе Св. Троицы”, а “какъ Сынъ

Ея есть единственный Посредникъ, избранный Богомъ между Его оскорбленымъ величиемъ и грѣшниками-людьми, такъ точно главная Посредница, поставленная Имъ между Сыномъ и нами, есть Преблагословенная Дѣва". "Тремя отношеніями: Дочери, Матери и Супруги Бога, Святая Дѣва возвышена до нѣкотораго равенства съ Отцемъ, до извѣстнаго превосходства надъ Сыномъ, до извѣстной близости къ Свят. Духу" («Непор. зач.», Малу, еп. Бругесь).

Такимъ образомъ, по ученію представителей латинскаго богословія, Дѣва Марія въ дѣлѣ Искупленія становится рядомъ съ самимъ Христомъ и возвышается почти до равенства съ Богомъ. Дальше идти некуда. Если все это еще не оформлено окончательно, какъ догматъ римской церкви, то римскій папа Пій IX, сдѣлавъ въ отношеніи этого первый шагъ, указалъ направленіе для дальнѣйшаго развитія общечерковно признаннаго вѣроученія своей церкви, косвенно подтвердивъ приведенное ученіе о Дѣвѣ Марії.

Такъ, римская церковь въ своемъ стремленіи возвысить Пресвятую Дѣву идетъ по пути полнаго обожествленія Ея, и если уже сейчасъ ея авторитеты называютъ Матію дополненіемъ Святой Троицы, то скоро можно дождаться, что Дѣву будутъ почитать, какъ Бога.

На тотъ же путь стала и группа мыслителей, принадлежащихъ пока еще къ Православной Церкви, но строящихъ новую богословскую систему, положивъ въ основу ея философское ученіе о Премудрости Софіи, какъ объ особой силѣ, связующей Божество и твореніе. Также развивая ученіе о достоинствѣ Богоматери, они хотятъ видѣть въ Ней существо, являющееся чѣмъ-то среднимъ между Богомъ и человѣкомъ. По нѣкоторымъ вопросамъ они умѣреннѣе латинскихъ богослововъ, но по другимъ,

пожалуй, уже опередили ихъ. Отрицая ученіе о непорочномъ зачатіи и свободѣ отъ првороднаго грѣха, они, однако же, учать о полной свободѣ Ея отъ всякихъ личныхъ грѣховъ, видя въ Ней посредницу между людьми и Богомъ, подобную Христу: въ лицѣ Христа явилось на землѣ Второе Лицо Святой Троицы, Превѣчное Слово, Сынъ Божій, а Духъ Святый является черезъ Дѣву Марію.

По словамъ одного изъ представителей этого теченія, со вселеніемъ Святаго Духа Марія пріобрѣла “двуединую жизнь, человѣческую и божескую, т.е., совершенно обожается, почему въ Своемъ упостасномъ бытіи является живымъ тварнымъ откровеніемъ Духа Святаго” (Прот. Сергій Булгаковъ, «Неопалимая Купина», изд. 1927 г. стр. 154), “есть совершенное явленіе Третьей Упостаси”, (тамъ же, стр. 175), “тварь, но уже и не тварь” (тамъ же, стр. 191). Это стремленіе къ обоженію Богоматери наблюдается, преимущественно, на западѣ, въ то самое время, какъ тамъ, съ другой стороны, имѣютъ широкій успѣхъ разныя секты протестанскаго характера, вмѣстѣ съ главными вѣтвями протестанства: лютеранствомъ и кальвинизмомъ, вообще отрицающія почитаніе Божіей Матери и Ея молитвенное призываніе.

Но можемъ сказать словами святаго Епифанія Кипрскаго: “одинаковый вредъ въ обѣихъ этихъ ересяхъ, и когда уничижаютъ Дѣву, и когда, напротивъ, прославляютъ Ее сверхъ должнаго”. (Св. Епифаній Кипрскій. «Панаріонъ, противъ Колларидіанъ»). Святой отецъ обличаетъ тѣхъ, которые воздаютъ Ей почти божеское поклоненіе: “Въ чести да будетъ Марія, покланяемъ же да будетъ Господь”. (Тамъ же). “Хотя Марія есть сосудъ избранный, однако женщина по природѣ ничѣмъ отъ другихъ не отличающаяся. Хотя исторія Маріи и преданіе сообщаетъ, что отцу Ея Іоакиму сказано

было въ пустынѣ: “жена твоя зачала”, однако это совершилось не безъ союза брачнаго и не безъ сѣмени мужа”. (Св. Епіфаній Кипрскій, «Противъ Колларидіанъ»). “Сверхъ должна не должно почитать святыхъ, но чтить Владыку ихъ. Марія не Богъ и не съ неба получила тѣло, но отъ совокупленія мужа и жены, и по обѣтованію, какъ Исаакъ, предуготована къ участію въ домостроительствѣ Божіемъ. Но, съ другой стороны, никто да не дерзаетъ и безумно оскорблять Святую Дѣву”. (Св. Епифаній, «Противъ Антидикомаріонитовъ»).

Православная Церковь, высоко превознося Богородицу въ своихъ хвалебныхъ пѣсняхъ, не дерзаетъ приписывать Ей то, что не сообщено о Ней Священнымъ Писаниемъ или Преданіемъ. “Истина чужда всѣхъ преувеличеній и у маленій: она всему даетъ подобающую мѣру и подобающее мѣсто”. (Еп. Игнатій Брянчаниновъ). Проповедуя непорочность Дѣвы Маріи и мужественное перенесеніе скорбей въ Ея земной жизни, отцы церкви отвергаютъ, однакоже, мысль, что Она явилась посредницей между Богомъ и людьми въ смыслѣ совмѣстнаго искупленія Ими человѣческаго рода. Говоря о готовности Ея умереть вмѣстѣ съ Сыномъ Ея и съ Нимъ вмѣстѣ страдать ради общаго спасенія, знаменитый отецъ западной церкви святой Амвросій, епископъ Медіоланскій, добавляетъ: “Но страданіе Христово не нуждалось въ помощи, какъ Самъ Господь предсказалъ о томъ задолго раньше: и возрѣхъ, и не бѣ помощника, и помыслихъ, и никтоже заступи, и избави я мышца Моя” (Ис. 63, 5; Св. Амвросій: «О воспитаніи Дѣвы и приснодѣвствѣ св. Маріи» гл. 7).

Тотъ же святой отецъ учить о всеобщности первороднаго грѣха, изъ чего исключениемъ является одинъ Христосъ. “Изъ всѣхъ рожденныхъ женами нѣть ни

одного совершенно святого, кромъ Господа Іисуса Христа, Который, по особому новому образу непорочнаго рожденія, не испыталъ земнаго поврежденія". (Св. Амвросій, In. Luc. k. 2). " Одинъ только Богъ безъ грѣха. Обыкновенно, всѣ раждаемые отъ жены и мужа, т.е. плотскаго союза, бываютъ повинны грѣху. Слѣдовательно, кто не имѣеть грѣха, тотъ не былъ и зачать такимъ образомъ". (Св. Амвросій: «Ap. Aug. de nupcio et concepcion»). "Одинъ только человѣкъ, Ходатай Бога и человѣковъ, свободенъ отъ узъ грѣховнаго рожденія, потому что Онъ родился отъ Дѣви и потому, что раждаясь, не испыталъ прираженія грѣха". (Св. Амвросій, «Противъ Іуліана», кн. 2).

Другой знаменитый учитель церкви, особенно почитаемый на западѣ, блаженный Августинъ пишетъ: "Что касается до другихъ людей, исключая Того, Кто есть краеугольный камень, я не вижу для нихъ другого средства содѣлаться храмами Божіими и быть для Бога жилищемъ кромъ духовнаго возрожденія, которому необходимо предшествуетъ рожденіе плотское. Такимъ образомъ, какъ бы мы ни думали о дѣтяхъ, находящихся въ утробѣ матери, хотя бы слово св. Евангелиста, который говорить объ Іоаннѣ Крестителѣ, что онъ взыгрался радостію во чревѣ матернемъ (что произошло не иначе, какъ по дѣйствію св. Духа), или слова Самого Господа, сказанныя Іеремії: "Я освятиль тебя прежде, чѣмъ ты вышелъ изъ чрева матери" — давали или не давали намъ основаніе думать, что дѣти въ этомъ состояніи способны къ нѣкоторому освященію; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что то освященіе, по которому всѣ мы вмѣстѣ и каждый въ особенности бываемъ храмомъ Божіимъ, возможно только для возрожденныхъ и что возрожденіе предполагаетъ всегда рожденіе. Только тѣ, которые уже родились, могутъ соединиться со Христомъ и быть въ

союзъ съ этимъ Божественнымъ тѣломъ, которое дѣлаеть Его Церковь живымъ храмомъ величія Божія” (Блаженныи Августинъ, «Письмо 187»).

Приведенныя слова древнихъ учителей Церкви свидѣтельствуютъ, что на самомъ Западѣ ученіе, нынѣ тамъ распространяемое, отвергалось и тамъ прежде. Даже послѣ отпаденія западной церкви, признаваемый тамъ великимъ авторитетомъ БЕРНАРДЪ писалъ:

“Ужасаюсь, видя, что нынѣ нѣкоторые изъ васъ возжелали перемѣнить состояніе важныхъ вещей, вводя новое празднество, невѣдомое Церкви, неодобряемое разумомъ, неоправдываемое древнимъ преданіемъ. Ужели мы болѣе свѣдуши и болѣе благочестивы, нежели отцы наши?.. Вы скажете, должно какъ можно болѣе прославлять Матерь Господа. Это правда; но прославленіе, воздаваемое Царицѣ Небесной, требуетъ различенія. Царственная сія Дѣва не имѣть надобности въ ложныхъ прославленіяхъ, обладая истинными вѣнцами славы и знаменіями достоинства. Прославляйте чистоту Ея плоти и святость Ея жизни. Удивляйтесь обилію даровъ сей Дѣвы; поклоняйтесь Ея Божественному Сыну; возносите Ту, которая зачала, не зная похоти, и родила, не зная болѣзни. Что же еще нужно прибавить къ симъ достоинствамъ? Говорять, что должно почитать зачатіе, которое предшествовало славному рожденію; ибо если бы не предшествовало зачатіе, то и рожденіе не было бы прославлено. Но что сказать, если бы кто нибудь по той же самой причинѣ потребовалъ такого же чествованія отца и матери св. Маріи. Равно могутъ потребовать того же для Ея дѣдовъ и прадѣдовъ — до безконечности. При томъ же, какимъ образомъ грѣхъ не могъ быть тамъ, гдѣ была похоть. Тѣмъ болѣе пусть не говорять, что св. Дѣва зачалась отъ Духа Святаго, а не отъ человѣка; я утверди-

тельно говорю, что Духъ Святый сошель на Нее, а не то, что пришелъ съ Нею”.

“Я говорю, что Дѣва Марія не могла быть освящена прежде Своего зачатія, поелику не существовала; если тѣмъ паче не могла быть Она освященою въ минуту Своего зачатія, по причинѣ грѣха съ зачатіемъ нераздѣльного, то остается вѣрить, что Она освящена послѣ того, какъ зачалась во утробѣ Своей матери. Это освященіе, если оно уничтожаетъ грѣхъ, дѣлаетъ святымъ Ея рожденіе, но не зачатіе. Никому не дано право быть зачатымъ во святости. Одинъ Господь Христосъ зачать отъ Духа Святаго, и Онъ одинъ святъ отъ самаго зачатія своего. Исключая Его, ко всѣмъ потомкамъ Адама относится то, что одинъ изъ нихъ говорить о себѣ самомъ, какъ по чувству смиренія, такъ и по сознанію истины: “се бо въ беззаконіяхъ зачать есмь” (Пс. 50, 7). Какъ можно требовать, чтобы это зачатіе было свято, когда оно не было дѣломъ Духа Святаго, не говоря уже, что оно происходило отъ похоти? Святая Дѣва отвергнетъ, конечно, ту славу, которая, повидимому, прославляетъ грѣхъ; Она никакъ не оправдываетъ новизны, выдуманной вопреки учению Церкви, новизны, которая есть мать неблагороднаго, сестра невѣрія и дочь легкомыслія.” (Bernard, Ep. 174. Цитировано, какъ и предыдущее (отъ бл. Августина) изъ Лебедева «Разности въ ученіи Церквей.»). Приведенные слова ясно обнаруживаютъ какъ новизну, такъ и нелепость новаго догмата римской церкви.

Ученіе о полной безгрѣшности Божіей Матери:

1) Не соотвѣтствуетъ Священному Писанію, гдѣ неоднократно говорится о безгрѣшности “Единаго Ходата Бога и человѣковъ, человѣка Иисуса Христа” (1 Тим. II, 5), “и грѣха въ Немъ нѣсть”, “иже грѣха не сотвори, ни

обрѣтеся лесть во устѣхъ Еgo”, “искушена по всяческимъ, по подобію, развѣ грѣха”, “не вѣдѣвшаго бо грѣха, но нась грѣхъ сотвори” (Іо. III, 5; 1 Петр. II, 21; Евр. IV, 15; 2 Кор. V, 21), но про остальныхъ людей сказано: “Кто чистъ отъ скверны? Никтоже, аще и единъ день житіе его на землѣ” (Іов. XIV, 4). “Составляеть же свою любовь къ намъ Богъ, яко еще грѣшникомъ сущимъ намъ Христосъ за ны умре... Аще бо врази бывше примирихомся Богу смертію Сына Его, множа паче примирившеся, спасемся въ животѣ Его” (Рим. V, 8-10).

2) Противорѣчить это ученіе и Священному Преданію, содержащемуся во многочисленныхъ святоотеческихъ твореніяхъ, гдѣ говорится о высокой святости Дѣвы Маріи отъ самаго Ея рожденія и обь очищеніи Ея Духомъ Святымъ при зачатіи Ею Христа, но не при собственномъ Ея зачатіи Анною. “Ни единъ есть чистъ предъ Тобою отъ скверны, ниже аще единъ день живота его есть, развѣ Ты точію единъ на землѣ явивыйся безгрешный Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Имже вси уповаємъ милость получить и оставленіе грѣховъ”, говорить Василій Великий, (молитва вечерни Пятидесятницы). “Но когда Христосъ пришелъ черезъ чистую, дѣвственную, не познавшую супружества, богообязненную, нескверную Матерь безъ брака и безъ отца, и поелику Ему надлежало, родиться, очистить женское естество, отринулъ горькую Еву и отвергъ плотскіе законы” (св. Григорій Богословъ, «Похвала дѣвству».), добавляетъ св. Григорій Богословъ. Однако, и тогда, какъ говорять обь этомъ святые Василій Великий и Іоаннъ Златоустъ, Она не была поставлена въ невозможность согрѣшить, но продолжала заботиться о Своемъ спасеніи и побѣдила всѣ соблазны. (св. Іоаннъ Злат., Толк. Ев. Ін. бесѣда 85; св. Василий Вел., Ер. CLX)

3) Ученіе о томъ, что Божія Матерь была очищена

прежде рожденія, чтобы отъ Ней могъ родиться Чистый Христосъ, безсмысленно, такъ какъ если Чистый Христосъ могъ родиться только, если Дѣва будеть очищена еще во утробѣ родителей, то для того, чтобы Дѣва родилась чистою, нужно было бы, чтобы и ея родители были чисты отъ первороднаго грѣха, а они опять бы должны были родиться отъ очищенныхъ родителей, и такъ далѣе идя, пришлось бы прійти къ выводу, что Христосъ не могъ бы воплотиться, если бы предварительно не были очищены отъ первороднаго грѣха всѣ Его предки по плоти до самаго Адама включительно; но тогда бы уже не было нужды въ самомъ воплощеніи Христа, такъ какъ Христосъ сходилъ на землю, чтобы уничтожить грѣхъ.

4) Ученіе, что Божія Матерь была сохранена отъ первороднаго грѣха, какъ и то, что Она благодатію Божіей была сохранена отъ грѣховъ личныхъ, представлеть Бога немилостивымъ и неправеднымъ, такъ какъ если Богъ могъ сохранить Марію отъ грѣха и очистить еще до рожденія, то почему же Онъ и другихъ людей не очищаетъ до рожденія, но оставляетъ ихъ во грѣхѣ; выходитъ также, что Богъ спасаетъ людей и помимо ихъ воли, до рожденія еще предопредѣляя нѣкоторыхъ ко спасенію.

5) Это ученіе, повидимому имѣющее цѣлью возвысить Богоматерь, въ дѣйствительности совершенно отрицаетъ всѣ Ея добродѣтели. Вѣдь если Марія еще во чревѣ матери, когда еще не могла и пожелать чего нибудь доброго или злого, была благодатію Божію сохранена отъ всякой нечистоты, потомъ той благодатію сохранялась отъ грѣха и послѣ рожденія, то въ чемъ же Ея заслуга? Если Она была поставлена въ невозможность согрѣшить и не согрѣшила, то за что же Ее Богъ прославилъ? Если Она

безъ всякаго усилія или не им'я никакихъ побужденій согрѣшить осталась чистою, то за что же Она увѣнчана больше всѣхъ? Побѣда безъ непріятеля не бываетъ.

Въ томъ и проявилась праведность и святость Дѣвы Маріи, что Она, будучи "человѣкъ подобострастенъ намъ", такъ возлюбила Бога и предалась Ему, что чистотою Свою высоко возвысилась надъ остальнымъ человѣческимъ родомъ. За то, предувѣдѣнная и предъизбранныя, Она и удостоилась, что Духомъ Святымъ, нашедшимъ на Нее, Она была очищена и зачала отъ Него самого Спасителя міра. Ученіе о благодатной безгрѣшности Дѣвы Маріи отрицаєтъ Ея побѣду надъ соблазнами и изъ побѣдительницы, заслуженной быть увѣнчанной вѣнцами славы, дѣлаетъ Ее слѣпымъ орудіемъ Божіяго Промысла.

Не возвышеніе и большую славу, а униженіе Ея представляеть тотъ "подарокъ", который поднесъ Ей Папа Пій IX и всѣ остальные, думающіе, что могутъ прославить Божію Матерь отысканиемъ новыхъ истинъ. Пресвятая Марія настолько прославлена Самимъ Богомъ, такъ высока Своей жизнью на землѣ и Своей славой на небѣ, что человѣческіе вымыслы ничего не могутъ прибавить къ Ея чести и славѣ. То, что люди сами измышляютъ, лишь затемняетъ отъ ихъ очей Ея Ликъ. "Братіе, блюдитесь, да никтоже васъ будеть прельща философіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христѣ", писаль Духомъ Святымъ Апостоль Павель (Кол. II, 8)

Вотъ такою "тщетною лестію" и является ученіе о непорочномъ зачатіи Анною Дѣвы Маріи, на первый взглядъ возвышающее, а въ самомъ дѣлѣ унижающее Ее. Какъ и всякая ложь, оно является съменемъ "отца лжи" (Ін. VIII, 44) діавола, сумѣвшаго имъ прельстить многихъ, не

понимающихъ, что хулять Дѣву Марію. Вмѣстѣ съ нимъ должны быть отвергнуты и всѣ остальныя ученія, проистекающія изъ него или сродныя ему. Стремленіе возвысить Пресвятую Дѣву до равенства со Христомъ, придавая Ея материнскимъ мукамъ у креста равное значеніе со страданіями Христа, такъ что страдали одинаково Искупитель и “Соискупительница”, по ученію папистовъ, или “что человѣческое существо Богоматери въ небѣ вмѣстѣ съ Богочеловѣкомъ Іисусомъ вкупѣ являютъ полный образъ человѣка” (Прот. С. Булгаковъ. «Неопалимая купина», стр. 141), по ученію лже-софіанцев (Софія значитъ премудрость), одинаково есть тщетная лесть и прельщеніе философией. О Христѣ Іисусѣ “нѣсть мужескій поль ни женскій” (Гал. III, 28), и Христосъ искупилъ весь человѣческий родъ, почему одинаково въ Его воскресеніе “ликовалъ Адамъ и радовалась Ева” (Воскр. кондаки 1-го и 3-го гласа), а Своимъ вознесеніемъ Господь возвысилъ все естество человѣческое.

Также, что Божія Матерь есть “дополненіе Святой Троицы” или “четвертая ипостась” или “Сынъ и Мать являются откровеніе Отца чрезъ Вторую и Третью ипостась”, что Дѣва Марія есть “тварь, но уже и не тварь”, все это есть плодъ лжеумствованія, неудовлетворяющагося тѣмъ, что Церковь содержитъ отъ временъ Апостольскихъ и пытающагося прославить Святую Дѣву больше, чѣмъ Ее прославилъ Богъ.

Сбываются слова св. Епифанія Кипрскаго: “Нѣкоторые безумствующіе въ мнѣній о самой святой Приснодѣвѣ старались и стараются ставить Ее вмѣсто Бога” (св. Епифаній. «Противъ Антидикомаріонитовъ», ересь 78). Но въ безумії приносимое Дѣвѣ, вмѣсто восхваленія Ея оказывается хуленіемъ, а Пренепорочная отвергаетъ ложь, будучи Матерію Истины (Ін. XIV, 6).

VII.

Православное Почитаніе Богоматери.

Православная Церковь содержитъ о Богородицѣ то, что Священное Преданіе и Священное Писаніе сообщили о Ней, и ежедневно прославляетъ Ее въ своихъ храмахъ, прося у Нея помощи и защиты. Зная, что Ей пріятны лишь тѣ восхваленія, которыя соотвѣтствуютъ Ея дѣйствительной славѣ, святые Отцы и пѣснописцы у Нея Самой и у Ея Сына молили вразумить ихъ, какъ воспѣвать Ее: “Огради помышленія моя, Христе мой, ибо чистую Матерь Твою воспѣти дерзаю” (Икосъ Успенія). “Церковь учить, что Христосъ истинно родился отъ Маріи Приснодѣвы” (св. Епифаній Кипр., «Истинное слово о вѣрѣ»). “Необходимо намъ исповѣдывать, что Святая приснодѣвственная Марія дѣйствительно есть Богородица, чтобы не впасть въ злохуленіе. Ибо отрицающіе, что Святая Дѣва дѣйствительно есть Богородица не суть уже вѣрные, но ученики фарисеевъ и садукеевъ” (Преп. Ефремъ Сирий, «Монаху Іоанну.»).

Изъ преданія извѣстно, что Марія была дочь престарѣлыхъ Іоакима и Анны, причемъ, Іоакимъ происходилъ изъ царственного рода Давида, а Анна изъ священническаго рода. Несмотря на такое знатное происхожденіе, они были бѣдны. Однако, не это печалило этихъ праведныхъ людей, а то, что они не имѣли дѣтей и не могли надѣяться, что ихъ потомокъ увидить Мессію. И вотъ, когда однажды, презираемые евреями за свое неплодіе, они оба въ горести души возносили Богу молитвы, Іоакимъ на горѣ, гдѣ уединился послѣ того, какъ священникъ не захотѣль принести его жертвы въ храмѣ, а Анна у себя въ саду, оплакивая свое бесплодство, тогда явился имъ Ангелъ и сообщилъ, что они родятъ дочь. Обрадованные, они обѣщали посвятить свое дитя Богу.

Черезъ 9 мѣсяцевъ родилась у нихъ дочь, названная Маріею, съ ранняго дѣтства проявившая наилучшія душевныя качества. Когда ей исполнилось три года, родители, исполняя обѣщаніе, торжественно отвели въ іерусалимскій храмъ малую Марію, Которая сама взошла по высокимъ ступенькамъ, а встрѣтившимъ Ее Первосвященникомъ, по откровенію Божію, введена была въ самое Святое Святыхъ, совводя съ Собой почивавшую на Ней благодать Божію въ дотолѣ безблагодатный храмъ. (Кондакъ Введенія. Это былъ вновь построенный храмъ, въ который слава Божія не сходила, какъ въ Скинію или Соломоновъ). Она поселилась въ существовавшихъ при храмѣ помѣщеніяхъ для дѣвъ, но такъ много времени проводила въ молитвѣ во Святомъ Святыхъ, что, можно сказать, жила въ немъ (Стихиры Введенія на “Господи возвзвахъ” 2-я и на “славу и нынѣ”). Украшенная всѣми добродѣтелями, Она явила примѣръ необычайно чистой жизни. Всѣмъ покорная и послушная, Она никого не оскорбила, никому не сказала грубаго слова, ко всѣмъ была привѣтлива, даже не допускала скверной мысли. (Сокращенно изъ св. Амвросія Медіол.: «О Приснодѣствѣ Дѣвы Маріи»).

“Несмотря на праведность и непорочность жизни, которую проводила Богородица, грѣхъ и вѣчная смерть проявляли въ Ней свое присутствіе. Они не могли не проявляться: таково точное и вѣрное ученіе Православной Церкви о Богоматери по отношенію къ первородному грѣху и смерти” (Епископъ Игнатій Брянчаниновъ: «Изложеніе ученія Православной Церкви о Божіей Матери»). “Чуждая грѣховнаго паденія” (св. Амвросій Мед., толк. 118 пс.), Она не была чужда грѣховныхъ искушеній. “Вѣдь одинъ Богъ безъ грѣха” (св. Амвросій Мед., тамъ же.), а человѣкъ всегда будетъ имѣть въ себѣ, что нужно еще исправить и усовершенствовать,

чтобы выполнить Божію заповѣдь: “Святы будите, яко Азъ свѧть есмь, Господь Богъ Вашъ” (Левитъ XIX, 2). Чѣмъ чище кто и совершеннѣе, тѣмъ больше онъ замѣчаетъ свои несовершенства и тѣмъ недостойнѣе себя считаетъ.

Дѣва Марія, всю Себя отдавшая Богу, хотя и отражала отъ Себя всякое поползнovenie ко грѣху, сильнѣе другихъ ощущала слабость человѣческой природы и пламенно желала прихода Спасителя. Она въ смиреніи почитала Себя недостойной быть и служанкой имѣющей Его родить Дѣвы. Чтобы ничто не отвлекало Ея отъ молитвы и вниманія къ себѣ, Марія дала Богу обѣть безбрачія, дабы всю Свою жизнь угождать лишь Ему. Обрученная старцу Іосифу, когда Ея года не позволяли Ей больше оставаться при храмѣ, Она поселилась въ его домѣ въ Назаретѣ. Здѣсь удостоилась Дѣва прихода Архангела Гавріила, благовѣстившаго Ей о рожденіи отъ Ней Вышняго. “Радуйся, благодатная: Господь съ Тобою. Благословена Ты въ женахъ... Духъ Святый найдеть на Тя и Сила Вышняго осѣнить Тя: тѣмже и раждаемое свято, наречется Сынъ Божій” (Лук. 1, 28-35).

Смиленно и покорно приняла Марія ангельское благовѣстіе. “Тогда же Слово, какъ Ему Самому извѣстно, низошло и, какъ Само изволило, подвиглось, вошло въ Марію и вселилось въ Ней” (Преп. Ефремъ Сиринъ. «Похв. п. Божіей Матери»). “Какъ молнія озаряетъ сокровенное, такъ и Христосъ очищаетъ сокровенное естества. Онъ очистилъ и Дѣву, и потомъ родился, чтобы показать, что, гдѣ Христосъ, тамъ проявляется чистота во всей силѣ. Очистилъ Дѣву, предуготовавъ Духомъ Святымъ, и потомъ утроба, ставъ чистою, зачинаетъ Его. Очистилъ Дѣву при Ея непорочности, почему и родившись оставилъ Дѣвою. Не говорю, что Марія стала бессмертною, но что, осіявшая благодатію, Она не возмущалась

грѣховными пожеланіями.” (Преп. Ефремъ Сиринъ. «Слово на еретиковъ», 41). “Вселился въ Нее свѣтъ, омыль Ея умъ, чистыми содѣлать Ея помыслы, уцѣломудриль попеченія Ея, освятиль дѣвство Ея.” (Преп. Ефремъ Сиринъ. «Марія и Ева.»). “Чистую по человѣческимъ понятіямъ сдѣлать благодатно-чистой.” (Епископъ Игнать Брячанновъ. «Изложеніе ученія Православной Церкви о Божіей Матери»).

Марія не сказала никому про явленіе Ангела, но Ангель самъ объявилъ Іосифу о чудесномъ зачатіи Марію оть Духа Святаго (Мѳ. I, 18-25), а по рожденіи Христовомъ со множествомъ воинства небеснаго благовѣстиль паstryямъ. Паstryри, прійдя поклониться Новорожденному, сказали, что слышали о Немъ. Прежде молча претерпѣвшая подозрѣніе, Марія теперь молча слушала и “слагала въ сердцѣ Своемъ” слова о величіи Своего Сына (Лк. II, 8-19). Слышала Она черезъ 40 дней хвалебную молитву Симеона и предсказаніе обь оружії, которое пройдетъ чрезъ Ея душу. Послѣ видѣла, какъ Іисусъ преуспѣваль въ премудрости, слышала Его въ 12 лѣтъ поучающимъ въ храмѣ и все “соблюдала въ сердцѣ Своемъ” (Лк. II, 21-51).

Хотя и благодатная, Она еще не вполнѣ разумѣла, въ чемъ будеть состоять служеніе и величіе Ея Сына. Еврейскія понятія о Мессіи были Ей еще близки, а естественные чувства заставляли Ее заботиться о Немъ, охраняя Его оть чрезмѣрныхъ, какъ могло казаться, трудовъ и опасностей. Поэтому невольно Она вначалѣ становилась на пути Своего Сына, что и вызвало Его указаніе о превосходствѣ родства духовнаго надъ тѣлеснымъ (Мѳ. XII, 46-49). “Имѣль Онъ попеченіе и о чести Матери, но гораздо болѣе обь Ея душевномъ спасеніи и о благѣ людей, для чего и плотю облекся”. (Іоаннъ Златоустъ. Толк. Ін., бесѣда XII.). Марія

уразумѣла это и, “слышавши рѣчъ Божію, сохранила ее.” (Лк. XI, 27-28). Какъ ни одинъ человѣкъ, Она возымѣла тѣ же чувствованія, что и Христосъ (Фил. II, 5), безропотно перенеся материнскую скорбь, когда видѣла Своего Сына гонимымъ и страдающимъ. Обрадованная въ день Воскресенія, Она въ день Пятидесятницы облеклась Силою свыше (Лк. XXIV, 49). Сошедшій на Нее Духъ Святый “Ее научиль всему” (Ін. XIV, 26), и “наставилъ на всяку истину” (Ін. XV, 13). Просвѣщенная, Она еще ревностнѣ стала трудиться творить слышанное Ею отъ Ея Сына и Искупителя, чтобы взойти къ Нему и быть съ Нимъ.

Конецъ земной жизни Пресвятой Богородицы былъ началомъ Ея величія. “Преукрашенная божественною славою” (Ирмость канона Успенія), Она стоять, будетъ стоять и въ день страшнаго суда и въ будущемъ вѣкѣ, одесную престола Сына Своего, царствуетъ съ Нимъ и имѣть дерзновеніе къ Нему, какъ Его Мать по плоти и какъ единоравная по духу, какъ волю Божію сотворившая и другихъ научившая (Мѳ. V, 19). Любвеобильная и милосердная, Она любовь къ Сыну и Богу Своему проявляетъ въ любви къ человѣческому роду, представительствуетъ за него предъ Милостивымъ и, обходя землю, помогаетъ людямъ.

Испытавшая всѣ тяжести земной жизни, Заступница рода христіанскаго видѣть каждую слезу, слышить каждое стенаніе и мольбу, обращенную къ Ней. Особенно Ей близки тѣ, которые трудятся въ борьбѣ со страстями и ревнують о богоугодной жизни. Но и въ житейскихъ попеченіяхъ Она незамѣнимая помощница. “Всѣхъ скорбящихъ радосте, и обидимыхъ заступнице, и алчущихъ питательнице, странныхъ утѣшеніе, обуреваемыхъ пристанище, больныхъ посѣщеніе, немощныхъ покровъ и заступнице, жезль старости, Мати Бога вышняго, Ты еси,

Пречистая” (Стихира Одигитрі). “Надежда, и предстательство, и прибѣжище христіанъ”, въ “молитвахъ неусыпающая Богородица” (Кондакъ Успенія), “спасающая міръ непрестанною Свою молитвою” (Богородицень III-го гласа), “день и ночь молится о нась и скиптри Царствія Ея молитвами утверждаются” (Повседневная полунощница).

Нѣть ума и словъ выразить величіе Той, Которая родилась въ грѣшномъ человѣческомъ родѣ, а стала Честнѣйшая Херувимъ и славнѣйшая Серафимъ. “Неизреченныхъ Божіихъ и Божественныхъ таинъ зря въ Дѣвѣ благодать являемую и исполняемую явственно, радуюся и образъ разумѣти недоумѣюся, странный и неизреченный, како избранная чистая едина явися паче всяя твари видимыя и разумѣваемыя. Тѣмъ восхвалити хотя Сію, ужасаюся зѣло, умомъ же и словомъ, обаче дерзая, проповѣдую и величаю: сія есть селеніе небесное” (Икона Введенія во храмъ). “Недоумѣть всякъ языкъ благохвалити по достоянію, изумѣваетъ же умъ и премірный пѣти тя, Богородице: обаче благая суши вѣру пріими, ибо любовь вѣси божественную нашу, Ты бо христіанъ еси предстательница, Тя величаемъ” (Ирмосъ 9 пѣсни Богоявленія.).

*Іеромонахъ Іоаннъ (Максимовичъ),
Інокъ Мильковскія Обители Введенія
во храмъ Пресвятыя Богородицы.*

Югославія, 1928 г

2

Почитаніе Богородицы и Иоанна Крестителя и новое направлениe русской религіозно-философской мысли.*

I

Несколько времени тому назад въ Парижѣ вышли книги протоиеря Сергея Булгакова «Неопалимая Купина», а немного позднѣе «Другъ Жениха». «Ихъ общая тема, — говорить самъ авторъ, — есть догматическое истолкованіе православнаго почитанія Богоматери и Предтечи въ раздѣльности и совокупности». «Неопалимая Купина» излагаетъ ученіе о Богородицѣ, «Другъ Жениха» — о Иоаннѣ Предтечѣ.

Заявивъ, что цѣлью первой книги является раскрытие ученія о безгрѣшности Богоматери, авторъ прямо приступаетъ къ дѣлу. «Имѣеть ли Пречистая, Пренепорочная какой-либо личный грѣхъ, можно ли помыслить хотя на мгновеніе сію страшную хулу?» спрашиваетъ онъ. И тутъ же признаетъ, что то, что онъ назвалъ «страшной хулой» учили и проповѣдывали многіе отцы Церкви, даже такие великие свѣтильники Православія, какъ Василій Великій и Иоаннъ Златоустъ. Однако это не смущаетъ прот. С. Булгакова и онъ пытается установить «церковную

*Настоящая статья написана въ бытность іеромонахомъ и впервые напечатана въ издававшейся гр. Ю. П. Граббе газете «Голосъ Вѣрноподданного» за 1928 г. въ Югославіи.

точку зре́нія” оть которой отступали по его мнѣнію, какъ названные, такъ и нѣкоторые другіе учители Церкви.

Церковное ученіе покоится на двухъ основаніяхъ — Священномъ Писаніи и Священномъ Преданіи. И Священное Писаніе и Священное Преданіе говорять намъ о безгрѣшности Спасителя. “Беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его”, пророчествовалъ еще пророкъ Исаія, и апостолъ Петъ повторяетъ его слова, лишь замѣнивъ слово беззаконіе словомъ грѣхъ, такъ какъ “грѣхъ есть беззаконіе” (І Ioан. III, 4; І Петр. II, 22). “И грѣха въ Немъ нѣсть”, — говоритъ Ioannъ Богословъ (І Ioан. III, 5). “Не вѣдѣвшій грѣха”, “Искушенъ во всемъ кромѣ грѣха”, учить о Христѣ апостолъ Павель (2 Кор. V, 21; Евр. IV, 15). Безчисленное множество разъ говорится о безгрѣшности Бога, безгрѣшности Богочеловѣка въ Святоотеческихъ твореніяхъ и въ церковныхъ молитвахъ. А гдѣ же свидѣтельство объ отсутствіи грѣховъ у Божіей Матери? Въ Священномъ Писаніи ихъ нѣть. Наоборотъ, Священное Писаніе говоритъ, что всѣ люди грѣшны. Священное Писаніе, сообщая нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни Пречистой, называетъ Ее Матерью Господа, благодатною и другими высокими именами, но нигдѣ не называетъ Ее безгрѣшною. Отдѣльные события Ея жизни, сообщаемыя въ Евангеліи, нѣкоторые толкователи даже прямо объясняютъ, какъ сомнѣнія и колебанія въ вѣрѣ. Такъ объясняютъ, напримѣръ, святой Ioannъ Златоустъ и другіе, случай, когда Божія Матерь и братья Его пришли взять Его въ виду слуховъ, что Іисусъ одержимъ бѣсами; т.е. хотѣли помѣшать Ему исполнять Его служеніе (Мате. XII, 46-50; Марка III, 21-35; Луки VIII, 19-21). “Матерь Моя и братья Мои суть слушающіе слово Божіе и исполняющіе его”, сказалъ тогда Господь, показавъ этимъ, что духовная связь Его со Своими послѣдователями для Него выше всякихъ родственныхъ связей. Правда, существуетъ и другое объясненіе этого евангель-

скаго событія — какъ искусствительное испытаніе материинскаго сердца, страдающаго за своего Сына. Однако, какое толкованіе ни принять, все же приходится признать, что на основаніи Священнаго Писанія доказать отсутствіе грѣховъ у Богоматери нельзя. Прот. Булгаковъ и не пытается пользоваться этимъ доказательствомъ. Онъ только дѣлаетъ обзоръ жизни Богородицы, насколько она извѣстна изъ Священнаго Писанія и церковныхъ преданій, и говорить, что на основаніи этихъ данныхъ, какъ и “по свидѣтельству непосредственного чувства” невозможно присписать Богоматери совершение личнаго грѣха въ какую бы то ни было пору Ея жизни. Однако, отсутствіе упоминаній о грѣхахъ, еще не доказываетъ, что ихъ не было, не говоря уже о томъ, что въ нѣкоторыхъ событіяхъ жизни Пресвятой Дѣвы многіе толкователи и отцы Церкви видѣть проявленіе грѣховности у Благодатной, но все же дщери Адама. А “непосредственное чувство”, безъ провѣрки его положительнымъ церковнымъ ученіемъ, часто приводило къ ереси. Проф. Булгаковъ хочетъ установить на основаніи преданія церковное ученіе о безгрѣшности Богородицы. Существованіе преданія свидѣтельствуетъ постановленіями Вселенскихъ Соборовъ, правилами св. апостоль и святоотеческими твореніями, богослужебными чинами, церковными пѣснями и молитвами, иконографіею. Однако преданіе священнымъ является лишь тогда, когда принималось и принимается всею Вселенскою Церковью. Но въ постановленіяхъ Соборовъ нѣть указаній на безгрѣшность Божіей Матери, и прот. Булгаковъ ищетъ свидѣтельствъ святыхъ отцевъ. Многіе святые отцы, какъ указываетъ самъ прот. Булгаковъ, опредѣленно говорили, что и Божія Матерь имѣла личные грѣхи. Онъ хочетъ противопоставить имъ свидѣтельство святыхъ отцевъ, которые, по его мнѣнію, учили о безгрѣшности Божіей Матери, и называетъ цѣлый рядъ

такихъ святыхъ отцовъ. Изъ нихъ первымъ онъ приводить св. Епифанія Кипрскаго, у которого “появляется признаніе Маріи свободною отъ грѣха”. Однако, при внимательномъ прочтеніи св. Епифанія, описавшаго всѣ ереси, бывшія до него и въ его время, ясно видно, что онъ не считаетъ Богородицу не имѣвшей никакихъ грѣховъ, а только опровергаетъ тѣхъ (антидикамаріанитовъ), которые не воздавали Ей должнаго почитанія и хулили Ее; съ одинаковой ревностью онъ вооружается и противъ ереси (колларидіанъ), воздававшей божескія почести Божіей Матери, и говорить: “Марія да будетъ въ чести, поклоняемъ же да будетъ Господь”, “одинаковый вредъ въ обѣихъ этихъ ересяхъ: и когда унижаютъ Святую Дѣву, и когда, напротивъ, прославляютъ Ее сверхъ должнаго”. Также не говорить о безгрѣшности Богородицы св. Григорій Богословъ. Выраженіе “Дѣва, въ которой душа и тѣло предочищены Духомъ”, не есть указаніе на безгрѣшность; скорѣе, напротивъ, показываетъ, что было что-то, что нужно было очистить. (Слово на Богоявленіе или Рождество и на Святую Пасху). Въ другомъ мѣстѣ св. Григорій Богословъ прямо говоритъ: “Знаемъ, что не грѣшить выше человѣка и свойственно одному Богу (не стану говорить объ Ангелахъ)”. Выраженіе “предочищены Духомъ” сравнительно слабѣе, если поставить рядомъ хотя бы со словами того же св. Григорія о святой мученицѣ Іустинѣ, которую онъ все же не считалъ безгрѣшной: “это была истинная Христова невѣста, сокровенная красота, одушевленное изваяніе, ничѣмъ не оскверненная святыня, никому недоступное святилище” (Слово о Кипріанѣ). Въ этихъ выраженіяхъ скорѣе можно искать указанія на безгрѣшность, но св. Григорій Великій всегда былъ далекъ отъ такой мысли, прямо опровергающейся его словами нѣсколько выше приведенными, и ясно говорилъ о грѣховности всего рода человѣческаго.

Первый, по мнѣнію прот. Булгакова, заговорилъ о безгрѣшности Маріи преп. Ефремъ Сиринъ. Однако, въ приводимой въ доказательство этого выдержкѣ изъ его твореній, ничего не говорится о безгрѣшности Дѣвы Маріи. “Ты, Господи, и Матерь Твоя, Вы единственные совершенно святые во всякомъ отношеніи, ибо въ Тебѣ, Господи, нѣтъ пятна и у Матери Твоей нѣтъ порока”. Святость и отсутствіе порока еще не означаютъ, какъ дальше будетъ показано, отсутствія грѣховъ. Также не говорится о безгрѣшности тамъ, гдѣ сравниваются Марія и Ева. Хотя Марія и стоитъ неизмѣримо выше Евы, которая ввела смерть въ человѣчество, тогда какъ Марія родила жизнь, но преп. Ефремъ, называя Ея невинной, непорочной, все же не называетъ Ея безгрѣшной. Онъ даже прямо тамъ говорить, что Марія нуждалась въ очищеніи. “Вселился въ Нее Свѣтъ, омыль Ея умъ, чистыми сдѣлаль Ея помыслы, уцѣломудриль попеченіе Ея, освятиль дѣвство Ея” («Марія и Ева», «Похв. пѣснь Б. М.»). Еще опредѣленнѣе выразилъ эту мысль преп. Ефремъ въ другомъ мѣстѣ («Слово на еретик. о рожденіи Господа»). “Онъ очистиль и Дѣву и потомъ родился, дабы показать, что, гдѣ Христосъ, тамъ проявляется чистота во всей силѣ. Очистиль Дѣву, предуготовавъ Духомъ Святымъ, и потомъ утроба, ставъ чистою, зачинаетъ Его. Очистиль Дѣву при Ея непорочности; почему и родившись оставилъ дѣвой”. Такимъ образомъ преп. Ефремъ считалъ, что при всей непорочности Дѣвы, у Нея было нѣчто, что нужно было очистить. У безгрѣшного нечего очищать. Но, можетъ быть, Дѣва была безгрѣшною послѣ воплощенія Слова? И этого нельзя найти у преп. Ефрема. Онъ говорить только, что “осіяаемая благодатію, Она не возмущалась грѣховными пожеланіями” (тамъ же). Но грѣхи бываютъ не только вольные — есть и невольные. Мы часто грѣшимъ и противъ нашего желанія, по

слабости немощной природы. Таковы грѣхи сомнінія, маловѣрія и подобные. Ихъ не отрицаєтъ нигдѣ преп. Ефремъ и обращаясь къ Богу лишь Ему говоритьъ: “Ты безгрѣшенъ” (тамъ же).

Такъ же неудачны ссылки прот. Булгакова на св. Амвросія Медіоланскаго. Выдержка изъ его толкованія на 118 псаломъ — неправильный переводъ. Въ латинскомъ текстѣ (Migne) стоить: “Virgo per gratiam ab omni integra labе peccati”, т.е. “Дѣва благодатю свободна” не “отъ всякаго грѣха”, какъ это приведено у прот. Булгакова, а “отъ всякаго грѣховнаго паденія” или “отъ грѣховнаго пятна”. Что Пречистая Дѣва была чужда грѣховныхъ паденій и безнравственныхъ поступковъ — составляетъ всеобщее православное вѣрованіе, но этимъ не утверждается совершенная безгрѣшность Ея. Здѣсь говорится только о цѣломудріи и неповрежденномъ дѣствѣ Ея “ut incorrupte sit virgo”, а не о томъ, что Она совсѣмъ не имѣла никакихъ грѣховъ. “Solus enim Deus sine peccato est” — говорить св. Амвросій какъ разъ передъ этимъ, не называя Богородицы безгрѣшной ни здѣсь, ни въ другомъ мѣстѣ, гдѣ перечисляетъ добродѣтели Ея, на которое также ссылается авторъ.

Разобранными ссылками, больше опровергающими, чѣмъ доказывающими утвержденіеprotoіеря Булгакова, ограничиваются почти всѣ “доказательства” изъ святоотеческихъ твореній. Лишь “приближаются сюда”, по его словамъ, Іеронимъ, Гауденцій и блаж. Августинъ. Впрочемъ, онъ хочетъ видѣть учение о безгрѣшности Божіей Матери и у Іоанна Дамаскина на основаніи одной цитаты изъ его «Точнаго изложенія православной вѣры», а такъ-какъ эта цитата приведена у Игнатія Брянчанинова въ «Изложеніи ученія Православной Церкви о Божіей Матери», онъ склоненъ причислить къ раздѣляющимъ это учение также и этого знаменитаго духовнаго писателя.

Однако, ни у Златострунного Иоанна, ни у епископа Игнатия не было учения о безгрешности Божией Матери. Слова Иоанна Дамаскина “низошел Духъ Святый на чистую Дѣву и еще Ее очистилъ” показываютъ нужду въ очищении. “Чуждая всякой скверны” еще не означаетъ “безгрешная”. “Духоносными, божественными” называется не одна Богородица. У Игнатия же Брянчанинова этими выражениями называются и другие подвижники; выражение это соответствуетъ выражению “богоносный”, каковое мы постоянно слышимъ въ церкви при упоминании преподобныхъ; да и въ богослужении “божественный” неоднократно употребляется (напр. въ кондакѣ первомуч. Стефана: “первомученикъ и божественный Стефанъ”). Прот. Булгаковъ не скрываетъ, что епископъ Игнатий, приведя цитату, дальше говоритъ, что ветхий человѣкъ и грѣхъ не могли не проявляться въ Божией Матери. Но онъ видеть здѣсь лишь “неточныя и неудачные выражения” епископа Игнатия, трудно согласуемыя съ вышеприведенными словами и относящіяся только къ первородному грѣху, а отнюдь не къ личнымъ, “которые и онъ, повидимому, исключаетъ”. Между тѣмъ, епископъ Игнатий Брянчаниновъ не только “выразился”, но и подробно обосновалъ, почему и Богоматерь имѣла грѣхи, при этомъ не только грѣхъ первородный, но и грѣхи личные. “Несмотря на праведность и непорочность жизни, которую оправдала Богородица... грѣхъ и вѣчная смерть проявляли въ ней свое присутствіе и владычество”. Онъ ссылается на Иоанна Златоуста и Феофилакта Болгарского, въ подтверждение того, что первородный грѣхъ проявлялся въ совершеніи личныхъ грѣховъ и говорить: “Истина чужда всѣхъ преувеличеній и уменій: она всему даетъ подобающую мѣру и подобающее мѣсто”. Онъ признаетъ Богоматерь чуждою лишь помысловъ и ощущеній сладострастныхъ и плотскихъ пожеланій, невку-

сившею борьбы съ ними, а не вообще съ грѣхомъ.

Такимъ образомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что вопросъ, поставленный прот. Булгаковыемъ въ началѣ своей книги, въ святоотеческихъ писаніяхъ получаетъ отвѣтъ прямо противоположный тому, который даетъ самъ авторъ. Не только тѣ святые отцы, которые это такъ ясно выразили, что онъ самъ долженъ быть ихъ поставить въ числѣ “изрекающихъ страшную хулу”, но и тѣ святые отцы, у которыхъ онъ ищетъ подтвержденія своего ученія, или опредѣленно учатъ какъ разъ обратному, или, не затрагивая вопроса во всемъ объемѣ, лишь говорять о святости и цѣломудріи Дѣвы Марії. Они были далеки отъ того, чтобы, опасаясь изречь хулу, считать Богородицу не имѣвшей грѣховъ или же замалчивать ихъ. “Весьма неблагородно и низко думать, говорить св. Григорій Богословъ въ похвальномъ словѣ священномуученику Кипріану, что оскорбительно будетъ для подвижника напоминать о непохвальныхъ дѣлахъ его”. Зная, что человѣкъ не можетъ не грѣшить, они достоинство подвига полагали въ совлечениіи съ себя ветхаго человѣка и въ степени святости, достигнутой борьбой съ наклонностью ко грѣху, и побѣдой надъ нимъ при помощи благодати Божіей. Этотъ взглядъ проводили какъ всѣ древніе святые отцы, такъ и позднѣйшіе церковные писатели-подвижники, и у нихъ нельзя найти ученія, что Божія Матерь какимъ-то образомъ оказалась свободной отъ грѣха или побѣдительницей его безъ борьбы. Это есть новое ученіе, не имѣющее корней въ святоотеческихъ твореніяхъ и православномъ богословіи.

Прот. Булгаковъ говоритъ, что о безгрѣшности Маріи твердо и ясно учить Св. Православная Церковь въ своихъ безчисленныхъ богослуженіяхъ, посвященныхъ Богоматери. Въ доказательство онъ приводитъ около 50 отрывковъ изъ пѣснопѣній въ честь Нея. Однако, ни въ

одномъ изъ нихъ Она не называется ни безгрѣшной, ни какимъ другимъ равносильнымъ выражениемъ. Въ нихъ она называется святой; но хотя въ полномъ смыслѣ лишь “единъ свѧтъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ”, относительно святыми могутъ быть и называются всѣ угодники Божіи. Въ ихъ сонмѣ такое количество покаявшихся бывшихъ величайшихъ грѣшниковъ, что нѣть нужды доказывать, что слово “свѧтой” не означаетъ “безгрѣшный”. Богородица называется непорочной. Порокъ — это закононѣие въ грѣхахъ, преданность грѣху, грѣховная привычка. Человѣкъ называется непорочнымъ, если проводить богоугодную жизнь, не будучи порабощенъ никакой страстью. “Ходи передо Мною и буди непорочень” сказалъ Богъ Аврааму (Бытіе XVII, 1). Непорочнымъ называется въ священномъ писаніи Йовъ; и самъ онъ себя таковымъ считаетъ (Йовъ I, 1, 8; II, 3; IX, 21). Про праведныхъ Захарію и Елисавету говорится, что они “ходили во всѣхъ заповѣдяхъ и оправданіяхъ Господнихъ безпорочно” (Лк. I, 6). Многократно употребляя слово “непорочный” въ псалмахъ, Давидъ подразумѣваетъ подъ этимъ исполнителя Божія закона. “Блаженны непорочные въ пути, ходящіе въ законѣ Господнемъ” (Пс. 118, 5) Выраженіе это примѣняется и къ нѣкоторымъ угодникамъ въ церковныхъ службахъ (Напримѣръ б дек. пѣснь VI, 12 дек. пѣснь VII. Каноны муч. Іуліаніи и Евгеніи). Но никто изъ ветхо- или новозавѣтныхъ праведниковъ все же не считается безгрѣшнымъ, и въ жизнеописаніяхъ тѣхъ, кто называется непорочнымъ, не скрываются ихъ грѣхи и искушенія. Такимъ образомъ, называя Богородицу Непорочной и даже Всенепорочную, Пренепорочную, Церковь указываетъ на Ея преданность закону Господнему и отсутствіе въ Ней какого-либо порока, а отнюдь не на отсутствіе у Нея грѣховъ. Также нельзя видѣть указанія на безгрѣшность Богородицы въ словахъ “Нескверная” (“Ус-

трахися отроковъ благочестивыхъ сообразно души и несквернаго тѣла” говорится и о 3-хъ отрокахъ — ирмость 8 пѣсни Великаго Понедѣльника), “Чистая”, “Нетлѣнная”, “Неблазная”, такъ какъ здѣсь говорится лишь о Ея высокой нравственности, а не объ отсутствіи какого-нибудь грѣха. Выраженіе “тѣло теченія грѣховнаго не-пріятно” говорить о цѣломудріи и нерастлѣнномъ дѣвствѣ Марії. Остальныя выраженія, приведенныеprotoіереемъ Булгаковымъ изъ церковныхъ пѣсень, еще меньше имѣютъ отношенія къ вопросу о безгрѣшности. “Освященная” (Іер. I, 5), “Пронареченная”, “Благодатная”, “Благословленная”, “Жилище Божіе”, “Преславная” все это суть высокія наименованія Божіей Матери, но все же на данный вопросъ отвѣта не дающія. Совсѣмъ уже непонятно для чего приведены разныя образныя выраженія какъ “Новое небо”, “Книга, запечатанная духомъ божественнымъ”, “Лѣстица Божественная”, “Престоль великий” и тому подобныя, которыя, наглядно изображая великое достоинство Божіей Матери, все же совершенно не касаются затронутаго вопроса, не говоря уже о томъ, что выраженія, которыя нужно понимать въ переносномъ смыслѣ, нельзя противопоставлять тѣмъ, въ которыхъ ясно и опредѣленно выражено церковное ученіе. Своими “доказательствами”, взятыми изъ богослуженій, прот. Булгаковъоказываетъ лишь то, что онъ не смогъ найти ничего, подтверждающаго его взглядъ въ православномъ богослуженіи и молитвахъ, въ которыхъ только Богу говорится: “нѣсть человѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ: Ты бо единъ еси кромѣ грѣха”, (молитва послѣ заупокойной ектеніи), “Ты еси единъ безгрѣшень”, (молитва изъ чина исповѣданія и много другихъ молитвъ). Ученіе о безгрѣшности Богоматери ученію православному не только чуждо, но и противно. Имѣя много свидѣтельствъ противъ себя, оно не имѣть никакихъ за себя. Поэтому

для доказательства его православія, протоіерей Булгаковъ долженъ быль прибѣгнуть къ выборкѣ отрывочныхъ выражений или ничего не доказывающихъ, или дающихъ представлениe, что здѣсь дѣйствительно подтверждается его ученіе, если только не прочитать цѣликомъ творенія изъ котораго это выраженіе взято. Примѣръ со ссылкой на епископа Игнатія Брянчанинова здѣсь особенно ярокъ.

Однако, несмотря на всю шаткость положенного основанія, прот. Булгаковъ продолжаетъ и дальнѣе развивать кажущуюся ему правильной теорію. Онъ уходитъ далеко впередъ отъ намѣченной въ началѣ книги цѣли. Но прежде всего онъ ограждаетъ свое ученіе отъ подозрѣнія, что это лишь уклоненіе въ сторону римскаго догмата о непорочномъ зачатіи. Онъ утверждаетъ, что можно, не имѣя личныхъ грѣховъ, имѣть въ то же время грѣхъ первородный, можно не только тѣмъ младенцамъ, которые еще не имѣютъ возможности разсуждать, но и тѣмъ святымъ, которые благодатію Божію осуществили личную безгрѣшность. Онъ говорить, что къ таковой личной безгрѣшности уже приближается Іоаннъ Предтеча, и обладаетъ ею Пресвятая Дѣва Марія («Неопал. Купина» стр. 69). Довольно подробно останавливается на догматѣ о непорочномъ зачатіи и затрагиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ другихъ религіозно-философскихъ вопросовъ.

Показавъ нелѣпость ученія обѣ изъятій Богородицы отъ первороднаго грѣха, прот. Булгаковъ, однако, считаетъ, что Она все же была освобождена отъ одного изъ его послѣдствій — личной грѣховности. Послѣдствіемъ первороднаго грѣха была еще и смерть. Для Божіей Матери смерть явилась переходомъ въ Царство Славы Ея Сына и воспріятіемъ вѣнца за земную праведную жизнь. Говоря о прославленіи Божіей Матери, прот. Булгаковъ проводить параллель между Іисусомъ Христомъ и Дѣвой

Маріей. Подобно тому, какъ второе Лицо Святой Троицы — Сынъ Божій, называется въ Священномъ Писаніи, святоотеческихъ твореніяхъ и молитвахъ — Премудростю Божіей (І Кор. II, 24, 30), онъ называеть и Богородицу Премудростю (по-гречески, Софія) и говоритъ, что есть два образа Премудрости (Софії) и два человѣческихъ образа въ небесахъ: Богочеловѣка и Богоматери. “Образъ Божій раскрывается и осуществляется въ небесахъ, какъ образъ двухъ: Христа и Матери Его”. Основываясь на томъ, что Богъ сотворилъ Адама и Еву, авторъ считаетъ, что только человѣческое существо Богоматери въ небѣ вмѣстѣ съ Богочеловѣкомъ Іисусомъ вкупѣ являютъ полный образъ человѣка. “Полнота Божескаго образа въ человѣкѣ или наоборотъ, человѣческаго образа въ Богѣ, выражается черезъ двухъ: черезъ новаго Адама и черезъ новую Еву”. Такимъ образомъ, по прот. Булгакову, выходитъ, что Божія Матерь становится какъ бы рядомъ со Своимъ Сыномъ въ дѣлѣ искупленія человѣческаго рода. Хотя авторъ и предупреждаетъ, что онъ не раздѣляетъ мысль, что Богоматерь принимаетъ участіе въ искупленіи наряду и наравнѣ съ Сыномъ, однако, дѣло искупленія всего человѣческаго рода, по его ученію, было бы неполно и недокончено, еслибы кромѣ Богочеловѣка Іисуса не было и женскаго начала въ лицѣ Дѣвы Маріи. Онъ забываетъ при этомъ, что завершеніе дѣла искупленія связывается Церковью не съ Успеніемъ, то есть переходомъ на небо Богородицы, а съ Вознесеніемъ Богочеловѣка, и что тогда поется: “Еже о нась исполнивъ смотрѣніе и яже на земли соединивъ небеснымъ, вознеслся еси во славѣ, Христе Боже нашъ” (Кондакъ Вознесенія). Церковь, прославляя скорби Божіей Матери, никогда все же не считала ихъ необходимымъ дополненіемъ къ страданіямъ Богочеловѣка, какъ бы для искупленія грѣха Евы, въ то время, как Господь страдаль за грѣхъ Адама. Такое ученіе

является попыткой вездѣ провести параллельно мужское и женское начало, что чуждо ученію церковному, видящему во Христѣ Единаго Спасителя и Избавителя всего человѣческаго рода, поправшаго смерть и адъ, почему при воскресеніи Христовомъ одинаково ликовалъ Адамъ и радовалась избавляемая отъ узъ Ева (Кондакъ воскр. I гласа).

Въ стремленіи провести параллель между Христомъ и Дѣвой Маріей, прот. Булгаковъ, не удовлетворяясь уже сказаннымъ, идетъ еще дальше и находитъ, что подобно тому, какъ Второе Лицо Св. Троицы, Сынъ Божій, явился міру въ лицѣ Богочеловѣка Іисуса Христа, такъ и Святый Духъ является черезъ Дѣву Марію. Разница здѣсь та, что Сынъ Божій воплотился, вочеловѣчился, а Духъ Святый не воплотился, а вселившись въ Дѣву, обожилъ Ее такъ, что Она, оставаясь человѣкомъ и тварью, стала въ то же время носительницей и пріятелищемъ Святаго Духа. Употребляя многія православныя выраженія, авторъ вкладываетъ въ нихъ совсѣмъ другой смыслъ. Божія Матерь, какъ говорить прот. Булгаковъ, оставаясь человѣкомъ, со вселеніемъ въ Нее Святаго Духа, пріобрѣла “двуединую жизнь”, человѣческую и божескую, т.е. совершенно обожается, почему въ своемъ чистасномъ бытіи является живымъ тварнымъ откровеніемъ Духа Святаго” (стр. 154). Существо Ея “изъ человѣческаго стало Богоматернимъ. Ибо Богоматерное существо не есть уже человѣческое существо, хотя и нераздѣльно связано съ нимъ” (стр. 174 и дальше). “Она приняла Духа Святаго и сдѣлалась съ Нимъ нераздѣльна”. “Марія есть поэтому совершенное явленіе Третьей Упостаси; въ твореніи Ея человѣческій ликъ отображаетъ чистась Духа Св., ибо для него прозраченъ”. Такимъ выраженіемъ прот. Булгаковъ опредѣляетъ то, что подразумѣвается подъ “вселеніемъ въ Марію Святаго

Духа" и затѣмъ прямо заявляетъ, что именно черезъ Марію Духъ Святый дѣйствуетъ въ мірѣ. При этомъ онъ различаетъ откровеніе Отца, откровеніе Сына и откровеніе Святаго Духа. Сынъ открывается во Христѣ Іисусѣ, а Духъ Святой черезъ Марію. Система получается очень стройная, но не православная. "Упостасное откровеніе Св. Духа совершилось, совершается, и въ полнотѣ совершится въ будущемъ вѣкѣ, въ царствѣ Духа Св. черезъ Марію" — говорить авторъ. Присутствіе Богородицы при Пятидесятницѣ онъ объясняетъ, какъ предстоятельство Ея и возглавленіе Церкви и человѣческаго рода, какъ соединеніе Ею неба и земли. По нему выходитъ, что Духъ Св. не можетъ являться въ мірѣ безъ посредства Дѣвы Маріи.

Откуда взяль свое ученіе прот. Булгаковъ? Въ этой части своего ученія онъ не ссылается ни на какія святоотеческія творенія или молитвы церковныя. Онъ здѣсь философствуетъ, разсуждаетъ, но отнюдь не излагаетъ и не отыскиваетъ ученія церковнаго. Православное ученіе, основанное на Божіемъ откровеніи, не дѣлить это откровеніе на "откровеніе Отца" "откровеніе Сына" и "откровеніе Духа Св.". Дѣйствія Пресвятой Троицы нераздѣльны (Еп. Феофанъ затворникъ. Толков. послан. Ефес.). Ни видѣніе, ни пророчество не бывають отъ Отца, или Сына, или Святаго Духа отдельно. (Василій Великій. Противъ Евномія V). Явленіе или откровеніе одного лица Святой Троицы есть откровеніе и явленіе всей Троицы: "Видѣвый Мене видѣ Отца: и како ты глаголеши: покажи намъ Отца; не вѣруеш ли яко Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ есть. Глаголы, яже Азъ глаголю вамъ, о Себѣ не глаголю: Отецъ же во Мнѣ пребываяй, Той творить дѣла" (Іоан. XIV, 9-11). Хотя и бывало, что Богоявленіе выражалось въ явленіи всѣхъ трехъ Лицъ Святой Троицы, какъ напримѣръ, при Крещеніи и Преображеніи, но это было для того, чтобы яснѣе показать Троичность Божества, да

“явится поклонение Святой Троицы”, а не потому, что явление одного изъ Лицъ было неполнымъ Божімъ откровеніемъ.(См. тропарь Богоявленія, также молитва освященія Троичной иконы). Само Священное Писаніе одно и то же явление Божества въ разныхъ мѣстахъ безразлично называеть и явленіемъ Отца, и явленіемъ Сына, и явленіемъ Святаго Духа. (Напр. сравн. Исаія VI, 9; Іоанна XII, 36-41; Дѣянія XXVIII, 25-27). На это еще указывали св. Василій Великій и другіе св. отцы. Такимъ образомъ, утвержденіе, что существуютъ особыя откровенія Отца, Сына, и Святаго Духа, есть уклоненіе отъ Православія.

Но еще больше недоумѣнія вызываетъ ученіе о Богородицѣ, какъ носительницѣ Святаго Духа, черезъ которую Духъ Святый открывается миру. Откуда взято это ученіе? Не изъ Священнаго Писанія и не изъ Священнаго Преданія. Упоминаніе въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ о присутствії Дѣвы Маріи при сошествії Св. Духа въ Пятидесятницу не можетъ служить ни основаніемъ, ни подтвержденіемъ этого ученія, такъ какъ тамъ перечисляются по именамъ или признакамъ и другіе присутствующіе, и вмѣстѣ съ Матерію Господней упомянуты и Его братья. Къ тому же это упоминаніе сдѣлано не тамъ, гдѣ говорится о сошествії Святаго Духа, а тамъ гдѣ говорится вообще о томъ, изъ кого состояли первоначальная собранія вѣрующихъ. О днѣ же Пятидесятницы лишь кратко сказано, что всѣ Апостолы были единодушно вмѣстѣ, а о Дѣвѣ Маріи даже отдельно и не упомянуто. На самомъ дѣлѣ Богородица была вмѣстѣ съ апостолами потому, что и сама нуждалась въ пріятіи Святаго Духа, какъ и остальные вѣрующіе, а не потому, что безъ Ней не могъ снизойти Святой Духъ. Если Богоматерь является исключительнымъ органомъ откровенія Св. Духа, то какъ же безъ посредства Ней Духъ Святой “глаголалъ про-

роки"? Какъ же Онъ, въ видѣ голубя, сходилъ на Іисуса при крещеніи, хотя и неизвѣстно о присутствіи тамъ Дѣвы Маріи? Какъ Духъ Святый сошель не только въ день Пятидесятницы, когда среди единодушно пребывающихъ въ молитвѣ находилась и Марія, но и позднѣе сходилъ на евнуха царицы Евіопской, на Корнелія и бывшихъ съ нимъ, на учениковъ Іоанновыхъ и въ другихъ случаяхъ, хотя извѣстно, что Она тамъ не присутствовала? Или можетъ быть только съ Успенія Богородицы Духъ Святый можетъ открываться только черезъ Нее, а до тѣхъ порь Онъ могъ дѣйствовать и безъ Ней?

Прот. Булгаковъ хотѣлъ изобразить Дѣву Марію какъ звено, связующее Божество и человѣчество. Находя недостаточнымъ, что "единъ Богъ и единъ Ходатай (посредникъ) Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Іисусъ, давый Себе избавленіе за всѣхъ", онъ хочетъ найти еще и посредницу, соединяющую женскія начала въ Божествѣ и въ человѣчествѣ. Нечего и говорить, что въ этихъ поискахъ онъ уже и не пытается обосновать свое ученіе на святыхъ отцахъ и церковныхъ молитвахъ, оставивъ даже тѣ попытки, которыя дѣлалъ, когда излагалъ ученіе о безгрѣшности Божіей Матери. Вѣдь вспомнить здѣсь о свв. отцахъ можно лишь для того, чтобы сказать, что излагаемое ученіе чуждо имъ. На основаніи собственныхъ разсужденій и умозаключеній строится здѣсь новое ученіе. *Наравнѣ съ "Господомъ съ Небесе"* (І Кор. XVI, 47), ставится и человѣкъ, хотя и очищенный Богомъ, но все же человѣкъ отъ земли. По этому ученію, еще до искупительной жертвы Богочеловѣка, человѣкъ этотъ, по Божіей волѣ, получаетъ способность не грѣшить, т.е. грѣхъ въ немъ не проявляется. Однако корень зла — первородный грѣхъ — въ немъ пребываетъ, и, такимъ образомъ, Марія остается принадлежащей къ грѣшному человѣческому роду. Страданіе Богочеловѣка спасаетъ и

соединяеть съ Божествомъ, по преимуществу, мужскую половину человѣческаго рода; для спасенія женской его части необходимы страданія и этого другого человѣка — Дѣвы. Становится невозможнымъ и общеніе Святаго Духа съ человѣчествомъ иначе какъ черезъ эту Дѣву. Въ отличіе оть Иисуса Христа, въ одном Лицѣ соединившаго нераздѣльно и несліянно Божество и человѣчество, Дѣва Марія, оставаясь только человѣкомъ, “имѣеть единеніе со Святымъ Духомъ въ степени, превышающей всякую мѣру”, и дѣлается посредницей между Нимъ и человѣчествомъ. Выходитъ, что Она какъ бы становится между Духомъ Святымъ и людьми, не допуская ихъ непосредственного общенія, хотя Иисусъ Христосъ обѣщалъ послать Духа Утѣшителя, Который непосредственно будетъ пребывать съ вѣрующими и наставлять ихъ на всякую истину (Иоанна XIV, 16-17 и XVI, 13). Если бы Духъ Святой не могъ никогда открываться людямъ, пока пріятели щемъ Его не сдѣлалась Дѣва Марія, то дѣйствительно Она, а не Христосъ была бы соединительницей Божества и человѣчества. Но создавать необходимаго посредника тамъ, гдѣ онъ не требуется, значить не соединять, а разъединять.

Съ одной стороны, приближая человѣка къ Богу и даже до нѣкоторой степени уравнивая ихъ, прот. Булгаковъ, съ другой стороны, раздѣляетъ дѣйствія Святыя Троицы, умаляеть значеніе Богооплощенія и ставить перегородку между Духомъ Святымъ и людьми. Сколько ни говорить, что не стѣной, а дверью между Богомъ и человѣкомъ становится Богородица, но въ изложеніи прот. Булгакова получается какъ разъ обратное. Такъ увѣнчивается попытка прот. Булгакова “дать ученіе о Богоматери”.

Развѣ такъ учить Православная Церковь? Она учить, что Пресвятая Дѣва Марія всѣмъ существомъ съ

малолѣтства отдалась Богу, и пламенною любовью привязалась къ Нему. Принаслѣда къ грѣховному роду человѣческому, Она, неустаннымъ вниманіемъ къ Себѣ, очищала Свою душу отъ всякой нечистоты. Предувѣдавшій Ее Богъ (Рим. VIII, 29) даваль Ей Свою благодатную помощь, и ангелы посылались для служенія Ей.

Въ жизни Маріи не было грѣховныхъ привычекъ или тяжелыхъ грѣховныхъ падений, но тяжесть грѣха относительна. То, что почти не является грѣхомъ у человѣка, погрязшаго въ порокахъ, такъ какъ на фонѣ остальныхъ его дѣлъ кажется совершенно безразличнымъ, то, для человѣка высоконравственного и идеального, является чернымъ пятномъ въ его душѣ. Для чистой и высокоблагочестивой Дѣвы Маріи даже всякая тѣнь маловѣрія и сомнѣнія, всякий маленький упадокъ ревности къ богоугожденію, являлись замѣтнымъ грѣхомъ. Но Она все больше воодушевлялась къ борьбѣ съ нимъ. Не оправдывая Себя, Она грѣхи Свои заглаживала еще большею ревностью. Со смиреніемъ воспріявъ милость Божію быть Матерію Спаса Своего, Она вмѣстѣ съ тѣмъ воспріяла и тяжелый крестъ, орудіе въ сердце, ибо постоянно принуждена была трепетать за Своего Божественнаго Сына.. Материнское сердце Ея естественно желало сохранить Его отъ всякихъ опасностей, и это желаніе иногда шло въ разрѣзъ съ волею пришедшаго положить душу Свою — Спаса міра. Не безъ искушеній былъ материнскій подвигъ Дѣвы, но Она и здѣсь боролась съ грѣховными прираженіями въ человѣческой природѣ, и волю грѣшнаго человѣка старалась покорить безгрѣшной Божественной волѣ. Мы видимъ вначалѣ Евангелія у Матери Божіей еще какія-то попытки спасти и удержать Своего Сына, исполняющаго лишь волю Своего Небеснаго Отца, отъ того пути, по которому Онъ пошелъ, не щадя Своей жизни. Это и вызвало указаніе Спасителя что

для Него не столько важны родственные связи, сколько исполнение воли Небесного Отца (Мате. XII, 48, 49; Мр. III, 33-35; Лк. VIII, 21). Но въ дальнѣйшемъ такія напоминанія не были больше нужны для Пресвятой Дѣвы. Она прониклась тѣми же чувствами (Филипп. II, 5), какія были у Ея безгрѣшнаго Сына, Богочеловѣка, Свою человѣческую волю покорившаго единой у Него съ Отцемъ божественной волѣ. Покорно слѣдовала Она за Нимъ, хотя мечь пронзаль сердце, и скорби раздирали душу Ея при видѣ, сначала, опасностей, а потомъ страданій и смерти Своего Сына. Она и здѣсь какъ бы повторяла въ Своемъ сердцѣ: “Съ раба Господня! Да будетъ воля Твоя! Да будетъ по глаголу Твоему”. Больше, чѣмъ кому другому изъ послѣдователей Христа, Ей пришлось перестрадать, чтобы, отрекшись отъ Своей воли, покориться Его ученію. Но зато и больше всѣхъ награждена, больше всѣхъ возвеличена. “Блажени ихже оставишася беззаконія и ихже прикрышася грѣси” (Псал. 31). Нѣть больше грѣховъ тамъ, где они прощены. Поэтому не нужно было и начинать разбирать вопросъ, были ли грѣхи у Пресвятой Маріи, и съ помощью построений лжеименного разума (Тим. VI, 20) пытаться возвеличить возвеличенную Самимъ Богомъ. Не только по естеству является Марія возлюбленною Матерью Господа, но и какъ исполнительница воли Небесного Отца (Ме. XII, 48, 49; Мрк. III, 33-35; и Лк. VIII, 21), Его первая угодница.

Нѣть словъ передать славу славнѣйшей херувимъ и честнѣйшей безъ сравненія серафимъ. Она стоитъ у самаго престола Того, Кого возлюбила всѣмъ существомъ и Кому посвятила всю Свою жизнь. А такъ какъ съ любовью къ Богу неизмѣнно связана любовь къ близкимъ (I Ioан.), то у больше всѣхъ возлюбившей Бога, больше всѣхъ и любви къ людямъ. Ни одинъ вздохъ, ни

одна слеза не укрывается отъ Нея. И не потому, что лишь черезъ Нее открывается Духъ Святый, а именно въ силу этой любви Она является молитвенницей и представительницей всего человѣческаго рода. Она — радость радующихъ, утѣшительница скорбящихъ, помощь бѣдствующихъ, заступница всѣхъ христіанъ. Если еще въ отроческіе годы Она столько времени посвящала молитвѣ, что про Нее говорятъ “жила во святыхъ”, хотя, собственно говоря, она жила въ особомъ помѣщеніи для дѣвъ при храмѣ, а во Святое Святыхъ приходила только молиться, то теперь, пройдя земной путь, у Престола Славы Она вся погружена въ молитву, “день и ночь молится о насть”, и “непрестанною молитвою спасаетъ мірь Дѣва всепѣтая”. И къ другимъ угодникамъ иногда обращаемся съ молитвою спасти насть, такъ же, какъ и къ Богородицѣ, молить Бога о насть, но преимущественно именно къ Богородицѣ мы вызываемъ “спаси насть”, выражая этимъ вѣру въ особенно сильную мощь Ея молитвы, всегда слышимой и исполняемой немедленно Ея Сыномъ. Но какъ помраченному взору трудно смотрѣть на свѣтъ, такъ и намъ, погрязшимъ въ грѣхахъ и страстяхъ, непостижима слава Богоматери, чуденъ и непонятенъ путь, которымъ Она къ ней пришла. “Неизрѣченыхъ Божиихъ и Божественныхъ тайнъ зря въ Дѣвѣ благодать являемую и исполняемую, явственно радуюся и образъ разумѣти недоумѣваю странный и неизрѣченный: како избранная чистая явися паче всея твари видимыя и разумѣваемыя. Тѣмже восхвалити хотя сію, ужасаюся зѣло умомъ же и словомъ, обаче дерзая проповѣдую и величаю: сіе есть селеніе небесное” (Икона Введенія во храмъ).

II.

Продолженіемъ книги «Неопалимая Купина» служить сочиненіе того же автора «Другъ Жениха».

Подобно тому какъ въ первой книгѣ прот. С. Булгаковъ хотѣлъ дать ученіе о Богоматери, такъ во второй онъ хочетъ точно опредѣлить, кто такой Иоаннъ Предтеча, и какое его мѣсто въ небесномъ царствѣ. Вниманіе его привлекла икона Деисусъ (т.е. деисисъ — молитва), гдѣ Богородица и Иоаннъ Креститель изображаются въ молитвенномъ предстояніи Христу, и онъ проводить параллель между ними.

Нужно отмѣтить хорошую сторону этой книги. Приведено множество отрывковъ изъ священныхъ пѣснопѣній, посвященныхъ Предтечѣ, видимо, тщательно просмотрѣнныхъ. Внимательно изучена жизнь Иоанна Крестителя по Евангелію, и нѣкоторыя событія превосходно объяснены.

Однако, несмотря на эти достоинства, сочиненіе имѣть столь существенные недостатки, что они и его лишаютъ всякой цѣны. Какая-то предвзятая мысль руководила авторомъ, такъ что конечные выводы его совершенно произвольны и необоснованы, и, къ сожалѣнію, дѣйствительно вторая книга является достойнымъ продолженіемъ первой.

Прот. Булгаковъ, начиная излагать ученіе о Предтечѣ, говорить, что Предтеча былъ также необходимъ для искупленія людей, какъ и Богоматерь, почему и почитаніе ихъ имѣть много общаго. Такъ, они часто изображаются вмѣстѣ по правую и лѣвую сторону возлѣ Христа; только они, якобы, да архангель Гавріилъ имѣютъ свои “соборы”, и т.д. Но доказательства, приводимыя авторомъ, болѣе чѣмъ слабы. Церковное ученіе о томъ, что безъ Предтечи не могъ прйтти Христосъ, онъ усматриваетъ въ

тому, что Предтеча называется денницей солнца, звездой, возвѣстившей солнце (стр. 12). Однако, если передъ солнцемъ появляется утренняя звѣзда, то это еще не означаетъ, что солнце не могло существовать и восходить въ свое время, если бы этой, да и вообще звѣздѣ, не было. Доказывать на основаніи этихъ словъ церковныхъ пѣснопѣній, что Христосъ настолько нуждался въ Предтечѣ, что не могъ безъ него прїти на землю для спасенія людей, нельзя кромѣ того еще и потому, что въ нихъ далеко не одинъ Иоаннъ Креститель называется звѣздою. “Звѣзда свѣтлая явилася еси непрелестная мірови, солнца Христа возвѣщающи зарями своими, страстотерпче” — поется каждому мученику (тропарь общій мученику). Если просмотрѣть богослужебныя книги, то въ нихъ безчисленное множество разъ можно встрѣтить, что тотъ или иной угодникъ Божій уподобляется звѣздѣ. Такое сравненіе можно найти даже въ службѣ, совершаемой на другой день послѣ собора Иоанна Предтечи, гдѣ называется звѣздою преподобная Домника, именуемая также “дѣвой непорочною”. “Яко величайшія двѣ звѣзды изнесоста всесвѣтлую зарю, яже возсіяеть великое солнце міру” — говорится объ Иоакимѣ и Аннѣ въ службѣ Зачатія Анною Богородицы. Но въ той же службѣ называется звѣздою и Самъ Христосъ: “Радуйся, звѣзды незаходимыя Мати, радуйся заре, таинственного дне”, — говорится въ послѣдованіи акаѳиста Пресвятыя Богородицы; а въ томъ же акаѳистѣ немного раньше звѣздою названъ не Христосъ, а сама Богородица: “радуйся звѣздо являющая солнце” (послѣд. акаѳиста, икосы I и 5). Изъ приведенного видно, что въ церковныхъ пѣсняхъ безразлично звѣздами называются и возсіявшая отъ Иакова звѣзда — Христосъ и Его Пречистая Матерь и многіе угодники Божіи. Именование звѣздою не опредѣляется, какое отношеніе къ дѣлу спасенія людей имѣть названное такъ лицо, и какое оно

мѣсто занимаетъ въ небесномъ царствѣ, а лишь указывается, что оно является духовнымъ свѣтиломъ, свѣтящимся въ грѣховномъ мракѣ и просвѣтляющимъ людскія души. То, что именно Предтеча именуется звѣздою — Денницей, вполнѣ понятно, такъ какъ онъ былъ звѣздою, возсіявшей непосредственно передъ восходомъ Солнца Правды — Христа, и возвѣстиль людямъ о Его приходѣ. Но ни въ прямомъ, ни, какъ здѣсь, въ переносномъ смыслѣ, неправильно считать, что безъ существованія денницы не могло взойти солнце.

Другое основаніе утверждать, что Предтеча безусловно необходимъ былъ для прихода на землю Сына Божьяго, прот. Булгаковъ видитъ въ томъ, что о Предтечѣ предсказано пророками, и что на это пророчество ссылаются всѣ евангелисты, показывая этимъ его важность. Но важность того или другого события въ жизни Христа нельзя опредѣлить тѣмъ, сколько евангелистовъ про него говорять. Такъ, о рожденіи отъ Дѣвы Маріи говорять только два евангелиста, а о входѣ въ Іерусалимъ — всѣ четыре; о томъ, какъ Іисусъ Христосъ пятью хлѣбами насытилъ пять тысячъ, говорять всѣ четыре, а о томъ, какъ причасивши учениковъ на Тайной Вечерѣ, Онъ установилъ на всѣ времена таинство Евхаристіи, говорять только три, а четвертый, излагая гораздо подробнѣе, чѣмъ остальные, что Христосъ говорилъ и дѣлалъ на Тайной Вечери, опускаетъ именно это, о причащеніи же говорить лишь въ связи съ насыщеніемъ пятью хлѣбами, хотя это было лишь прообразомъ, а не установленіемъ Евхаристіи. Также нельзя о необходимости существованія Предтечи для возможности спасенія человѣческаго рода говорить на основаніи того, что о немъ предсказано пророками. Многіе признаки пришествія Христа и событий изъ Его жизни предсказаны для того, чтобы люди узнали пришедшаго Мессію и увѣрились въ томъ, что это Тотъ, Кого

ожидаютъ. Предсказано о рождениі Христа въ Виөлеемъ и о избіеніи тамъ младенцевъ, о путешествіи въ Египетъ и возвращеніи оттуда, о пребываніи въ Галлилѣ, о входѣ Господа въ Іерусалимъ на осляти, о раздѣленіи ризъ, причемъ бросался жребій (о чёмъ также упоминаютъ всѣ четыре евангелиста) и многое другое, такъ что въ евангеліяхъ постоянно дѣлаются ссылки на пророчества. Однако, неужели всѣ эти признаки настолько необходимы, что иначе Сынъ Божій не могъ спасти людей? Исполненіе этихъ пророчествъ важно, какъ доказательство истинности рѣчи Божіей, и того, что Іисусъ есть обѣщанный Христосъ. Но нельзя считать, что дѣло искупленія настолько связано съ Виөлеемъ, что не могли пророки предсказать, а Христосъ родиться не въ Виөлеемъ, а напр. въ Виѳаніи, или какомъ другомъ мѣстѣ; или, что Господь не могъ спасти людей, не сѣвъ на осленка. Конечно, не всѣ пророчества и события жизни одинаково важны. Пророчество о Предтечѣ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ. Но все же ни откуда не видно, что безъ появленія Предтечи невозможно было спасеніе рода человѣческаго, т.е. Христость не могъ прійти на землю. По учению прот. Булгакова, Предтеча былъ не столько необходимъ для людей, для ихъ приготовленія къ проповѣди Христа, сколько для Него Самого, чтобы Онъ не былъ одинокимъ въ мірѣ, будучи встрѣченъ Предтечей. “Въ его лицѣ Спаситель былъ принять на землѣ”, онъ и Богоматерь представляли собою всю Церковь, проявивъ образъ любви мужской и образъ любви женской. Поэтому “полнота любви церковной, общеніе со Христомъ дается въ соединеніи любви ко Христу Богоматери и Предтечи” — говорить авторъ («Другъ Жениха», стр. 21 и 27).

Въ Евангеліи “приготовленіе пути Господня” изображается какъ приготовленіе людскихъ сердецъ къ пріятію проповѣди Спасителя. “Уготовайте путь Госпо-

день, правы творите стези Его" — взывалъ Предтеча, и указывалъ, что приготовленіе это заключается въ смиреніи и покаяніи. Эта проповѣдь Иоанна еще сильнѣе возбудила и безъ того напряженное ожиданіе Мессіи, а послушавшіе Предтечу — первые сдѣлались послѣдователями Христа (Иоан. I, 37 и дальше). Лишь тѣсное общество особо преданныхъ личности Иоанна его учениковъ не оставляло его и даже негодовало на растущее вліяніе Иисуса; однако, и не послѣдовавшіе сразу за Христомъ, впослѣдствіи охотно принимали проповѣдь о Немъ (Дѣян. XVIII, 24 и XIX, 7). Въ этомъ отношеніи, дѣйствительно Иоаннъ уготовилъ путь Господу. Разсужденіе же прот. Булгакова, что Предтеча былъ нуженъ, чтобы, какъ представитель человѣчества, встрѣтить Христа и этимъ какъ бы оказать Ему моральную поддержку, не вытекаютъ изъ Евангельского повѣствованія, да, кромѣ того, и трудно согласиться съ тѣмъ что короткая встрѣча между Христомъ и Предтечей была смиренныемъ приходомъ Христа къ Иоанну.

По прот. Булгакову, Предтеча былъ необходимъ еще, какъ Креститель. Онъ говорить, что Господь нуждался въ крещеніи, а слѣдовательно, и въ Крестителѣ; что въ крещеніи Господь сталъ совершеннымъ Богочеловѣкомъ, получивъ усыновленіе Бога Отца и помазаніе Святаго Духа. "Крещенское Богоявление и есть новое и окончательное усыновленіе: Духъ Святый, сходя на землю, на крещаемаго Сына Божія, свидѣтельствуетъ передъ Отцомъ это сыновство и совершаетъ усыновленіе" («Другъ Жениха», стр. 82).

Эта мысль совершенно неправославная и есть уклоненіе къ старымъ гностическимъ ученіямъ, что Иисусъ именно въ крещеніи сталъ Христомъ. Разница между гностическими ученіями, обычно утверждавшими, что при крещеніи человекъ Иисусъ соединился со Словомъ, и

ученіемъ прот. Булгакова, не такъ ужъ велика, разъ, все равно, и тутъ лишь съ Крещеніемъ связывается полнота богооплощенія. Борясь съ такими ученіями свв. отцы указывали, что Іисусъ съ самаго Своего рожденія и даже зачатія былъ истинный Богъ, и, слѣдовательно, ничего не могъ получить сверхъ того, что уже имѣль, будучи единосущенъ и нераздѣленъ Отцу и Духу Съ первыхъ строчекъ Евангелія мы читаемъ, что праведный Симеонъ молить Бога отпустить его изъ этого міра, ибо онъ видѣль Христа Господня (Лк. II, 26-32). Благодать Божія уже тогда была на Немъ. Церковныя пѣсни, какъ и слова св. Отецъ, прославляющія Богоявленіе и Крещеніе Господне, говорять лишь о явленіи Святой Троицы, явленіи Христа, Его смерти, побѣдѣ надъ древнимъ врагомъ и освященіи Имъ міра, но отнюдь не объ освященіи, усыновленіи или помазаніи Самого Христа. Сходство въ церковныхъ службахъ Рождества и Крещенія, что прот. Булгаков склоненъ толковать, какъ взглядъ Церкви на Крещеніе какъ на второе Рождество, объясняется просто тѣмъ, что до конца IX вѣка Рождество и Богоявленіе праздновались въ одинъ день, такъ какъ у Евангелиста Луки есть указаніе, что Іисусъ, начиная служеніе, былъ лѣтъ около тридцати (Лк. III, 23), т.е. годовщина рожденія Господня и время Его крещенія приблизительно совпадали. Позднѣе, чтобы больше отмѣтить значеніе и того и другого события, Рождество и Богоявленіе стали праздновать раздѣльно, сначала на западѣ, а потомъ и на востокѣ, кромѣ Арmenіи, гдѣ и донынѣ Рождество и Крещеніе празднуется вмѣстѣ. Это, конечно, известно прот. Булгакову, но онъ не хочетъ сдѣлать соответствующихъ выводовъ, а, между тѣмъ, это прежнее совмѣстное празднованіе и имѣть слѣдствіемъ, что службы этихъ праздниковъ, даже составленные позднѣе, съ вѣшней стороны весьма схожи (кромѣ того на Крещеніе прибавляется водоосвященіе), а на западѣ даже

принято называть Богоявление праздникомъ “трехъ королей”, т.е. трехъ царственныхъ волхвовъ, пришедшихъ на поклоненіе новорожденному Христу, чѣмъ еще яснѣе напоминается, что нѣкогда всѣ эти событія вспоминались вмѣстѣ. Но внутреннее значеніе и смыслъ каждого изъ нихъ былъ особый, почему такъ быстро и привился новый порядокъ празднованія Церковью, въ безчисленныхъ пѣснопѣніяхъ дающей ясное ученіе о томъ и о другомъ событіи, не называя нигдѣ Крещенія Господня, ни духовнымъ Рождествомъ, ни Помазаніемъ.

Объясняя Крещеніе Христово какъ помазаніе Духомъ Святымъ, прот. Булгаковъ говорить, что Бого воплощеніе совершилось не только черезъ Богоматерь, давшую Христу Свою плоть, но и черезъ Предтечу, который крестиль Христа, и черезъ то явился совершившемъ помазанія Его, черезъ схожденіе Св. Духа на Его человѣческое естество. Ученіе это, какъ мы видѣли, совершенно чуждо церковному, ибо Спаситель уже былъ Христомъ съ рожденія, и никакого помазанія при крещеніи не принималъ.

Святые отцы давали ясный отвѣтъ на вопросъ — съ какого времени Господь сталъ Христомъ, хотя имъ были извѣстны два уклоненія отъ истины — и что это совершилось еще до зачатія, и что лишь по достижениіи Христомъ зрѣлаго возраста. Прот. Булгаковъ допускаетъ второе, создавая своеобразную теорію, из которой дѣлаетъ рядъ дальнѣйшихъ выводовъ. “Пречистая и Предтеча въ съвѣмъ соединеніи олицетворяютъ собою всю церковь небесную и земную, ангеловъ и человѣковъ”. Указывая на совмѣстное изображеніе Богоматери и Иоанна Крестителя въ молитвенномъ предстояніи Христу, и другія молитvenные воспоминанія, гдѣ имя Предтечи слѣдуетъ непосредственно послѣ Богоматери, прот. Булгаковъ ищетъ основу этой близости. Указавъ на присущее имъ обоимъ служеніе

и другія сходственныя черты ихъ духовныхъ подвиговъ, но находя это еще недостаточнымъ, онъ, наконецъ, находитъ желанный ему отвѣтъ: ихъ духовная близость заключается въ отсутствіи вольного личнаго грѣха, въ личной безгрѣшности. Когда прот. Булгаковъ въ 1926 году писалъ 69 страницу книги «Неопалимая Купина», тогда Предтеча только приближался къ личной безгрѣшности; а весной 1927 г., когда писалась 28 страница книги «Другъ Жениха», Предтеча личною безгрѣшностью уже обладаетъ. Автору слѣдовало бы отмѣтить — сдѣлалъ ли онъ новое открытие или измѣнилъ свое мнѣніе, а не помѣщать безъ оговорокъ въ книгахъ, составляющихъ продолженіе одна другой, два различныхъ отвѣта по коренному вопросу, затронутому въ этихъ книгахъ. Но проф. Булгаковъ, повидимому давшій первый отвѣтъ, недостаточно изучивъ и уже забывъ о немъ, теперь старается доказать правильность второго отвѣта. Доказательствъ, строго говоря, нѣть. Прот. Булгаковъ дѣлаетъ обзоръ жизни Иоанна Крестителя и указываетъ, что святость Предтечи на всемъ протяженіи его жизни, хотя прямо не засвидѣтельствована въ Евангеліи, но косвенно подтверждается. Приведя нѣсколько указаній на святость Иоанна, авторъ вдругъ начинаетъ говорить не только о святости, но и о безгрѣшности, которая якобы была засвидѣтельствована Господомъ въ Его бесѣдѣ съ учениками и народомъ (Мѳ. XI, 2-19 и Лк. VII, 18-35). Однако, никакихъ указаній на безгрѣшность Предтечи тамъ нѣтъ. Прот. Булгаковъ совершенно какъ бы забываетъ, что святость и безгрѣшность не одно и то же, и что если въ полномъ смыслѣ слова “единъ свѧтъ” одинъ лишь безгрѣшный Господь Іисусъ Христосъ, то по милости Божіей къ святости приближаются безчисленные сонмы угодниковъ Божіихъ, называемыхъ святыми, хотя многие изъ нихъ прежде были тяжкими грѣшниками. Въ Священномъ Писаніи безгрѣш-

нымъ называется одинъ Господь, и бесполезно искать въ немъ указанія на безгрѣшность кого-либо, кроме Него. Никто, кроме Бога и Ангеловъ, не называется безгрѣшнымъ и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ и твореніяхъ святыхъ отцовъ, въ совокупности выражавшихъ священное преданіе и церковное учение.

Выраженіемъ церковнаго учения о безгрѣшности Иоанна Предтечи, прот. Булгаковъ считаетъ празднованіе зачатія и рождества Иоанна Крестителя, и говорить, что празднующая зачатіе и рожденіе только Богоматери и Предтечи, Церковь этимъ сближаетъ ихъ и свидѣтельствуетъ о святыни уже съ самаго зачатія, о свободѣ отъ грѣха. Смѣшивая здѣсь понятія святыни и безгрѣшности, авторъ, однако, тутъ же помѣщаетъ часть стихиры, въ которой дается опредѣленный отвѣтъ — почему празднуется зачатіе. “Веселится тварь въ зачатіи твоемъ, пророче и Предтече, Крестителю Иоанне: божественное бо твое рожденіе предзнаменуетъ намъ Владычно Рождество”.

Чтобы объяснить, какимъ образомъ Дѣва Марія и Креститель Иоаннъ могли дойти до такой степени святыни, что не имѣли личныхъ грѣховъ, хотя тогда Христосъ еще не искупилъ насъ отъ первороднаго грѣха — прот. Булгаковъ указываетъ на ихъ святыхъ предковъ и говорить, что святость эта “накопляется и пріобрѣтается наследственной святостью поколѣній Ветхозавѣтной Церкви”. Но онъ совершенно забываетъ, что среди предковъ Христовыхъ были и отличавшіеся не благочестіемъ, а страшнымъ нечестіемъ, а изъ четырехъ женскихъ лицъ, упомянутыхъ Еванг. Матеемъ въ родословной Христа, одна лишь моавитянка Руѣ, прославилась своей добродѣтельной жизнью, а нравственность остальныхъ трехъ не была особенно высока. Это, впрочемъ, не препятствовало тому, что дѣти нечестивыхъ родителей отличались высо-

кимъ благочестиемъ, что особенно ярко видно на примѣрѣ Ахаза и Езекія. Какія бы, однако, разсужденія ни приводились, личная безгрѣшность Предтечи является ученіемъ необоснованнымъ съ церковной точки зрењія, такъ же, какъ и такое же ученіе о Богоматери, для обоснованія котораго авторъ употребилъ гораздо больше доказательствъ, но одинаково неудачныхъ. Подтверждениемъ того, что Церковь ставитъ Іоанна Предтечу въ особо исключительное положеніе наравнѣ съ Богоматерью, прот. Булгаковъ считаетъ то, что, якобы, только онъ и Богоматерь, да еще Архангель Гаврій имѣютъ свои "соборы". Этотъ взглядъ автора свидѣтельствуетъ лишь о его полномъ незнаніи церковныхъ книгъ и устава. Не говоря уже о томъ, что во всѣхъ богослужебныхъ книгахъ и даже календаряхъ, кромѣ двукратнаго собора архангела Гавріила (26 марта и 13 іюля) упоминается еще соборъ архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ (8 ноября), "соборы" имѣютъ весьма многіе святые. Если только раскрыть Прологъ — книгу, въ которой помѣщены краткія житія святыхъ и поученія на каждый день, или же греческую мінею, гдѣ свѣдѣнія о празднуемомъ святомъ (синаксарь) помѣщаются послѣ 6-ой пѣсни канона, когда полагается, по уставу, ихъ прочитывать, то въ томъ же январѣ, когда соборъ Предтечи, можно найти цѣлый рядъ соборовъ. Восьмого января, "совершается же сихъ (Іуліана и Василисы) соборъ во святѣмъ ихъ мученіи, сущемъ при Форосѣ". Девятого января, "совершается же соборъ мученія его (муч. Поліевкта) во святыхъ апостоль великихъ". За первую половину января не менѣе пяти разъ повторяется слово соборъ, причемъ въ день Іоанна Предтечи, седьмого января, сказано: "совершается же соборъ его въ Форакіи". Подобное и въ другихъ мѣсяцахъ. Иногда въ подобныхъ выраженіяхъ говорится: "совершается соборъ, совершается праздникъ его". Что же

обозначаетъ здѣсь слово “соборъ”, и къ чemu здѣсь прибавлено географическое название? Именемъ собора (по-гречески — *isynaxys*), называется собраніе вѣрующихъ для прославленія святого. Когда совершалась память какого-нибудь угодника Божія, то собирались по преимуществу въ церковь, построенную на мѣстѣ его мученій (если это мученикъ), гдѣ есть мощи, или какимъ либо другимъ образомъ связанныю съ именемъ празднуемаго святого. Тамъ совершалось торжественное всенощное бдѣніе, а затѣмъ, утромъ, литургія. Народъ со всей окрестности во множествѣ собирался къ мѣсту празднованія, почему и самъ праздникъ назывался соборомъ, собраніемъ. Такой порядокъ отчасти до сихъ поръ существуетъ въ Царьградѣ. Тамъ память многимъ святымъ совершается въ какомъ-нибудь опредѣленномъ храмѣ. Такъ, напримѣръ, память исповѣдника Иоанна Русскаго, про котораго какъ разъ русскіе почти не знаютъ (это малороссъ, захваченный турками во время Петра I), совершается 27 мая въ храмѣ “Панагія кафатіани” въ Галатѣ; муч. Маркеллы, 22 іюля, въ храмѣ Иоанна Предтечи, тамъ же, и такъ далѣе. Въ эти дни собирается множество народа, какъ и въ день храмового праздника совершается торжественное богослуженіе, проходящее при большомъ подъемѣ духа. Подобное мы видимъ въ Россіи, гдѣ всегда бываетъ большое стченіе народа въ дни храмовыхъ праздниковъ или же въ дни празднованія чудотворной иконы или святого, котораго имѣются мощи — у этихъ мощей и иконы. Вотъ это стченіе народа и дало название всему празднику. Въ книгѣ Типиконѣ — уставѣ богослуженія — многократно встрѣчаются выраженія: “совершается же соборъ его, идѣже мощи его, и идѣже храмъ его”. Такія указанія встрѣчаются особенно часто въ дни памяти русскихъ, и опредѣляютъ, гдѣ должна этому святому совершаться торжественная праздничная служба

со всеношнымъ бдѣніемъ. Такимъ образомъ, свой соборъ имѣютъ не только Богородица и Ioannъ Креститель, а почти каждый святой. Если же о “соборахъ” Богородицы, Ioанна Крестителя (даже безъ указанія мѣсть) и архангеловъ Гавріила и Михаила говорится во многихъ богослужебныхъ книгахъ, а обѣ остальныхъ только въ нѣкоторыхъ, то это оттого, что стеченіе народа въ церквяхъ въ дни, слѣдующіе за такими великими праздниками, какъ Рождество и Богоявленіе, бываетъ повсемѣстное, а кромѣ того, говоря о соборахъ святыхъ архангеловъ, Церковь указываетъ, что наши молитвенные собранія являются подражаніемъ ликостояніямъ ангельскимъ, непрестанно прославляющимъ Бога.

Весьма также неудачнымъ надо признать и ссылку прот. Булгакова на порядокъ выниманія частицъ на проскомидії, гдѣ онъ усматриваетъ сближеніе между Богородицею и Ioанномъ Крестителемъ; во-первыхъ, въ честь Богородицы частица вынимается изъ особой просфоры (или особой печати на ней, если просфора одна), а въ честь Предтечи изъ той же, изъ которой вынимаются 9 частицъ въ честь всѣхъ святыхъ; а во-вторыхъ, даже вынутіе особой частицы въ честь Предтечи непосредственно послѣ Богородицы не есть повсемѣстный обычай, такъ какъ въ греческихъ церквяхъ изъ девятичинной просфоры (или печати) первая частица вынимается въ честь безплотныхъ силь, а лишь вторая въ честь Ioанна Крестителя, Моисея, Аарона и всѣхъ остальныхъ пророковъ.

Быть можетъ покажется, что все это столь незначительныя ошибки прот. Булгакова, что ихъ бы не стоило касаться, но онѣ показываютъ, на какихъ призрачныхъ и богословски необоснованныхъ доказательствахъ строить онъ свои теоріи. Однако, онъ не только не останавливается на здѣсь изложенныхъ своихъ взглядахъ, но идетъ гораздо

далъше. Продолжая разбирать вопросъ о прославлениі Предтечи, онъ доходитъ до того, что приписываетъ Православной Церкви ученіе, будто Иоаннъ Креститель былъ не только человѣкъ, но и ангель, соединилъ въ себѣ естество ангельское и человѣческое, былъ “ангелочеловѣкъ”. Прот. Булгаковъ даже точно опредѣляетъ, какое мѣсто занимаетъ Иоаннъ среди ангеловъ: онъ будто бы занялъ мѣсто отпавшаго Денница. Но когда и гдѣ Церковь допускала смышеніе ангельского и человѣческого естества, или соединеніе ихъ въ одномъ лицѣ? Авторъ приводитъ рядъ церковныхъ пѣснопѣній, гдѣ Предтеча называется ангеломъ, согласно съ главами пророчества Малахія “се Азъ посылаю ангела Моего предъ лицемъ Твоимъ”, а также указываетъ, что иногда Предтеча изображается съ крыльями.

Но что, въ дѣйствительности, означаетъ название Предтечи ангеломъ? Слово “ангель” означаетъ “вѣстникъ”. Пророкъ Малахія и предсказывалъ, что Богъ пошлетъ Своего вѣстника для возвѣщенія людямъ о приходѣ Христа и приготовленія ихъ къ Его пріятію. Самъ Господь тоже называется “Ангеломъ Великаго Совѣта” (Ісаія IX, 6; 5 ирмось Рождества), какъ посланный въ міръ Богомъ Отцомъ (Іоан. V, 23 и много другихъ); но все же Онъ не воспріялъ ангельского естества (Евр. II, 16), почему въ то же время говорится, что пришелъ “не ходатай, не Ангель, но Самъ Господь воплощъся” (Ирмось 4 пѣсни, 2 гл.). Иоаннъ Предтеча называется ангеломъ еще и потому, что жизнью своею подражалъ ангеламъ, совершенно не заботясь о своихъ потребностяхъ, и будучи всецѣло преданъ порученному ему Богомъ служенію. Святые въ этомъ смыслѣ именуются подражателями безплотныхъ силъ. “Что Васъ наречемъ, святіи, — воспѣваетъ Церковь, — херувими ли, яко на Васъ почилъ есть Христосъ; серафими ли, яко непрестанно прославляете Его; ангелы

ли — тѣла отвратицеся; силы ли — дѣйствуете чудесы; многа ваша имена и большая дарованія, — молите спастися душамъ нашимъ” (Стихира 7 гласа). “Терпѣнія столпъ быль еси, ревновавый праотцемъ, преподобне; Іову въ страстехъ, Іосифу во искушеніяхъ и безплотныхъ жительству, сый въ тѣлеси”, поется преподобнымъ Суменоу, Алипію и другимъ столпникамъ (Тропарь столпникамъ).

Не отрицая того, что преподобные именуются пожившими равноангельное житіе, прот. Булгаковъ утверждаетъ, однако, что лишь пророкъ Илія и Іоаннъ Предтеча прямо воспѣваются, какъ “во плоти ангелы”. Но этимъ онъ лишній разъ ярко подчеркиваетъ свое незнаніе церковныхъ службъ. Всего черезъ нѣсколько дней послѣ Собора Іоанна Предтечи, въ службѣ 17 января, преп. Антоній Великій нѣсколько разъ называется “небесный человѣкъ, земной ангель” (Стихиры на вечернѣ), а препод. Макарію Великому поется 19 января: “Пустынnyй житель и во плоти ангель” (Тропарь). Подобныя выраженія встрѣчаются во весь кругъ годового богослуженія. Тропарь “пустынnyй житель и въ тѣлеси ангель” поется еще преп. Іоанну Лѣстничнику, Моисею Мурину, Кириаку (4 нед. Велик. Поста, 28 авг., 29 сент.) и другимъ. Ангеломъ называется и самъ назвавшій этимъ именемъ Предтечу — пророкъ Малахія, при этомъ, не только въ службѣ ему 3 января, но и въ неканонической III книгѣ Ездры (I, 40), да и само имя Малахія значить “ангель”. Пріятіемъ Великаго Ангельскаго образа называется постриженіе въ монашество. Всѣми этими выраженіями Церковь вовсе не имѣть въ виду указать, что лицо, такъ именуемое, стало ангеломъ по естеству, но лишь свидѣтельствуетъ о его высокой духовной жизни. Что въ такомъ же смыслѣ надо понимать названіе ангеломъ Іоанна Предтечи, прямо говорится въ приведенной самимъ прот. Булгаковымъ

стихиръ, поемой на день Рождества Предтечи, твореніи знаменитой монахини Кассіи: “человѣкъ убо естествомъ, ангель же житіемъ сый”. Да и самъ проф. Булгаковъ на стр. 118 говорить не о томъ, что Іоаннъ совмѣстиль два естества — ангельское и человѣческое, — а о томъ, что онъ “какъ равноангельный человѣкъ, соединяющій въ себѣ полноту естества человѣческаго и высоту и близость къ Богу естества ангельскаго, стоитъ выше и самихъ ангеловъ”. Такимъ образомъ, по этому вопросу о безгрѣшности Предтечи, проф. Булгаковъ даетъ два отвѣта, на этотъ разъ уже въ одной книгѣ.

Что Церковь не приписываетъ Іоанну Предтечѣ ангельского естества ясно видно изъ многочисленныхъ молитвъ (напр. “Спаси Боже люди Твоя” и “Владыко Многомилостиве” на литії; молитва ко Господу Іисусу Христу, послѣ акаѳиста Сладчайшему и 8-я вечерня), гдѣ Креститель упоминается отдѣльно отъ ангеловъ, притомъ, послѣ нихъ; также изъ того, что въ посвящаемые имъ дни, она не вспоминаетъ съ ними и Предтечи, а среди недѣльныхъ воспоминаній ему посвященъ вторникъ, въ то время, какъ ангелы славятся въ понедѣльникъ, а апостолы и святители со св. Николаемъ — въ четвергъ. Изображеніе Іоанна Предтечи съ Ангельскими крыльями вовсе не есть указаніе на его ангельское естество, а лишь напоминаніе словъ Священнаго Писанія: “се Азъ посылаю Ангела Моего”. При этомъ нужно замѣтить, что прот. Булгаковъ, говоря о различныхъ иконахъ Предтечи, совершенно не обращаетъ вниманія, является ли то или иное изображеніе его принятымъ во всей Церкви, или представлять мѣстное и случайное явленіе, нигдѣ больше не встрѣчающееся. Между тѣмъ, лишь общепринятыя изображенія могутъ выражать преданіе Вселенской Церкви.

Становясь на путь буквального пониманія выражений, употребляющихся въ переносномъ смыслѣ, и

символическихъ изображеній, авторъ открываетъ путь къ цѣлому ряду неожиданныхъ выводовъ. Господь Іисусъ Христосъ называется Агнцемъ гораздо чаще, чѣмъ Иоаннъ ангеломъ. Въ древней Церкви, во время гоненій, Его даже изображали въ образѣ Агнца. Неужели поэтому надо считать, что Господь воспріялъ естество агнчее? А между тѣмъ, слѣдя методу проф. Булакова, нужно учить, что Іисусъ Христосъ есть не только Богочеловѣкъ, а что Онъ Богоангелочеловѣкоагнецъ или, по крайней мѣрѣ, Богочеловѣкоагнецъ. Какъ ни абсурдна и кощунственна подобная мысль, но она вполнѣ послѣдовательна.

Идя тѣмъ путемъ, которымъ пошелъ въ своихъ изысканіяхъ прот. Булгаковъ, — отвлекшись отъ прямого ученія Церкви, искать подтвержденіе своимъ взглядамъ въ отрывочно взятыхъ выраженіяхъ изъ Священнаго Писанія или молитвословій, не обращая вниманія на остальныя мѣста, этихъ взглядовъ не подтверждающія, — можно дойти до еще болѣе крайнихъ выводовъ. Но это не будетъ ни православнымъ ученіемъ, ни восхваленіемъ святого. Истины, содержащіяся Церковью, должны раскрываться во всей полнотѣ ея ученія, исповѣдуемаго Вселенскою Церковью.

“Болій въ рожденныхъ женами пророка Иоанна Крестителя никтоже есть”, сказалъ Господь. Лишь рожденный не отъ жены, а отъ Дѣвы, Богочеловѣкъ да эта “Честнѣйшая Херувимъ и Славнѣйшая Серафимъ” Дѣва больше, чѣмъ онъ среди людей. Онъ олицетвореніе полной преданности Богу. Съ дѣтства живеть въ пустынѣ, отвергшись всякихъ удобствъ и нѣги, удовлетворяя только самая необходимая потребности своего тѣла. Онъ весь живеть духовной жизнью. Грѣхъ первородный не былъ еще снятъ Христомъ съ людей и проявлялся въ человѣческой природѣ. Церковь не указываетъ, какіе были грѣхи у Предтечи; но, исповѣдуя единымъ безгрѣшнымъ Господа.

она этими признаетъ существованіе грѣховъ и у Предтечи. Да и какъ бы человѣкъ могъ сохраниться отъ проявленій живущаго въ человѣчествѣ грѣха, находясь подъ властью грѣха и въ рабствѣ (Евр. II, 15), въ отчужденіи отъ Бога. Правда, называлъ Богъ нѣкоторыхъ праведниковъ Своими друзьями (Иак. II, 23), освящалъ еще въ утробѣ матери (Пер. I, 5), даже исполняль Духа Божія (Исх. XXXI, 3), но все же они лишь вѣрою взирали на исполненіе обѣтованій, умерли, не получивъ ихъ, и сошли во адъ (Быт. XXXVII, 35).

Іоаннъ былъ послѣдній и величайшій праведникъ Старого Завѣта, уже стоявшій на порогѣ Новаго, но все же, живя до совершенія Христомъ нашего искупленія, и онъ былъ подъ грѣхомъ, который жестоко терзалъ человѣчество. Если и въ Новомъ Завѣтѣ нѣть никого, который бы совершенно грѣховъ не имѣлъ, еще невозможнѣе было достигнуть такой безгрѣшности до него. Но все же степень грѣховности и грѣхи бываютъ разные. У Іоанна не было привязанности къ грѣху или грѣховнымъ привычкамъ. Наоборотъ, будучи исполненъ Духа Святаго еще отъ чрева матери своея, онъ ясно видѣлъ мерзость его и ненавидѣлъ какъ грѣхъ вообще, такъ и свой собственный.

Ненависть къ этимъ грѣхамъ, желаніе отъ нихъ очиститься, и упорная борьба съ ними, работа надъ собою, въ сознаніи въ то же время своего недостоинства и составляютъ настоящее покаяніе, проповѣдникомъ кото-
раго сдѣлался Іоаннъ. Естественно слышать призывъ "покайтесь" изъ устъ безгрѣшаго Господа, непричаст-
наго ни къ первородному, ни къ личнымъ грѣхамъ. Но,
если покаяніе проповѣдуется кто-нибудь не свободный отъ
нихъ, онъ долженъ самъ первый исполнить то, что
проповѣдуется. И, видно, глубоко было покаянное настро-
еніе у Іоанна, упорно искореняль онъ въ себѣ всякое
поползновеніе ко грѣху и видѣлъ даже свои малѣйшіе

недостатки, что когда онъ сдѣлался готовымъ воспріять глаголь Божій, изъ глубины его переполненной покаяннымъ чувствомъ души вырвалось — “покайтесь”.

Извѣстно, что не такъ дѣйствуетъ слово, какъ личный примѣръ. “Иже сотворить и научить сей велій наречется въ царствіи небесномъ”. Іоаннъ всею своею жизнью олицетворяль настоящее покаяніе. Вотъ почему и раздался такъ громко его голосъ и “исходжаше къ нему Іерусалимъ и вся Іудея и вся страна Йорданская”. Люди шли, открывали ему свои грѣхи и, какъ у искуснаго врача, спрашивали, какъ лѣчить свои душевныя болѣзни. А Іоаннъ оставался смиреннымъ, и, въ сознаніи своего недостоинства, указывая, какъ бороться съ грѣхомъ, во всеуслышаніе проповѣдывалъ, что дѣйствительное очищеніе отъ грѣховъ принесеть Грядущій за нимъ, ў Котораго онъ недостоинъ развязать ремень обуви Его.

Пришелъ Чаемый; повинуясь Ему, Іоаннъ крестиль Его съ трепетомъ, и увидѣлъ, какъ разверзлось небо и явилась Тайна Святой Троицы, когда Христосъ смиреннымъ преклоненіемъ главы подъ руку Своего раба заглавивалъ грѣхъ гордо поднявшейся за запрещеннымъ плодомъ руки прародителей.

Объявивъ ученикамъ и народу о пришествіи Избавителя отъ грѣха и указавъ на Него, Іоанн продолжалъ звать къ покаянію. Онъ видѣтъ, что слава его померкла съ приходомъ Большаго Свѣтила, но не скорбитъ, а радуется этому. Онъ радуется, что подготовленный имъ народъ устремился къ проповѣданному имъ, ибо не словами только, а всѣмъ существомъ склонялся онъ предъ Нимъ и былъ преданъ Ему. Онъ продолжаетъ проповѣдывать правду Божію, дерзновенно возвѣщаетъ ее царю земному и попадаетъ въ темницу. Но и оттуда слышится его голосъ, хотя теперь только для немногихъ, пока мечь не прекращаетъ земной жизни.

Душа по смерти его, какъ и всѣ души до него, идетъ во адъ, но идетъ съ проповѣдью о пришествіи на землю Христа и приближеніи избавленія. Послѣ сошествія Христа во адъ, онъ съ Нимъ идетъ въ рай и, какъ преданнѣйшій изъ людей, предстоить Престолу Его вмѣстѣ съ Богородицею. Величайшій изъ рожденныхъ женами веселится съ ангелами и молится за своихъ собратьевъ. Онъ оставилъ урокъ для всякаго. Мученики, преподобные, священники, монахи, дѣвственники имѣютъ въ немъ своего вождя. Каждый христіанинъ имѣеть въ немъ примѣръ смиренія и преданности Богу. Призывая его на помошь нужно подражать ему и по силѣ прославлять; достойно же восхвалить его не въ нашихъ силахъ. “Память праведнаго съ похвалами тебѣ же довлѣть свидѣтельство Господне, Предтече”.

III

Ученіе протоіерея Булгакова о почитаніи Богородицы и Иоанна Предтечи, которое, какъ выяснено, никакъ не можетъ считаться православнымъ, опасно не столько само по себѣ, сколько потому, что въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, авторъ явился выразителемъ идей, охватившихъ нѣкоторые круги русскаго мыслящаго общества. Эти идеи связаны съ учениемъ о Софії — Премудрости Божіей. “Софія” это греческое слово, означающее премудрость.

Такъ какъ въ задачу настоящей статьи входило лишь дать критическій разборъ ученія так. наз. софіанцевъ о Богоматери и Иоаннѣ Крестителѣ, то здѣсь ограничимся

указаніемъ, что до сихъ поръ, сообразно словамъ Священаго Писанія “Мы же проповѣдуемъ Христа распята, Іудеемъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе, самимъ же званнымъ Іудеемъ же и Еллинномъ Христа, Божію Силу и Божію Премудрость”. Въ церковномъ ученіи, выражаютшемся въ частности въ святоотеческихъ твореніяхъ и церковныхъ молитвахъ, утвердилось пониманіе, что Премудрость Божія есть одно изъ наименованій Сына Божія. Въ настоящее время появилось теченіе мысли, старающееся дать другое пониманіе имени Премудрость. Не давая опредѣленного, пока, ученія и оставляя широкое поле для дальнѣйшихъ философскихъ изысканій, представители этого ученія уже ясно показали свое направленіе. Хотя они при доказательствахъ и приводятъ выдержки изъ св. отцовъ, но какъ мѣтко подмѣтилъ гр. Ю. П. Граббе въ «Корняхъ Церковной Смуты», здѣсь, въ сущности, полемика со св. отцами («Корни Црк. Смуты», гл. VI).

Разрушаютъ уже утверждавшееся въ Церкви ученіе, и, не давая еще новаго положительного ученія, ведутъ разработку его съ определеннымъ стремленіемъ найти въ “Софії” женственное начало, какъ Божества, такъ и человѣчества. Есть, говорять, Софія небесная, нетварная и есть Софія тварная. Находясь и въ Божествѣ и въ твореніи, Софія соединяетъ Творца и тварь. Устанавливается какъ бы лѣстница сущностей, и этимъ уничтожается ясное различие между сотворившимъ и сотвореннымъ. Высшая степень тварной Софії есть переходъ къ Софії нетварной. Такъ какъ “Богоматерь софійна въ предѣльной степени” («Неопал. Купина», стр. 189), то она и “есть тварь, но уже не тварь” (тамъ же, стр. 191). Если “божественная Софія откровеніе Св. Троицы” (тамъ же, стр. 189), то Богоматерь “это вѣчная жизнь если не самого Божества, то въ Божествѣ” (тамъ же, стр. 191). Вообще, дѣлается попытка вездѣ найти параллель мужского и женского начала.

При неразработанности еще софіанского ученія и разныхъ его оттѣнковъ еще неточно опредѣлено “всему свое мѣсто”. Въ частности, женское начало въ Божествѣ является чѣмъ-то близкимъ къ Святому Духу, хотя и не отождествляется съ Нимъ вполнѣ. Въ опредѣлениіи положенія Богородицы тоже проявляется колебаніе — въ книгѣ «Неопалимая Купина» проф. Булгаковъ ставить Ее въ параллель и въ соотвѣтствіе Іисусу Христу, а въ «Другъ Жениха» — Ioannu Крестителю. Но въ общемъ хотять создать что-то новое, основываясь на построеніяхъ ума и отвлеченныхъ философскихъ разсужденіяхъ. И ясно видно стремленіе какъ бы сравнять Божество и человѣчество, поставить не только людей въ зависимость отъ Бога, но и Бога въ зависимость отъ людей. Для того и якобы, возвеличиваются Дѣва Marія и Ioannъ Предтеча, чтобы потомъ показать, что безъ представителей человѣчества ничего бы не могъ сдѣлать Богочеловѣкъ Христосъ. “Божество и человѣчество въ сущности суть разныя части одной лѣстницы”. Это не говорится прямо, но ясно проводится.

Вспоминаются первые вѣка Христіанства, когда въ результаѣ стремленія получить точное знаніе о Богѣ и мірѣ появилась стройная система гностика Валентина, представлявшая 15 паръ зоновъ, производившихъ одна другую, гдѣ также строго различалось въ каждой парѣ мужское и женское начало. До выводовъ Валентина новые философы не дошли, нѣть еще также основаній утверждать, что они отъ него заимствуютъ свое ученіе. Однако, одинаковыя основанія кладутся и тамъ, и здѣсь — человѣческія разсужденія, приспособливающія къ себѣ, а не склоняющіяся передъ богооткровенными истинами. Это есть стремленіе уравнять и перемѣшать то, что открылъ Богъ, и что нашелъ самъ человѣкъ. И прежде, и теперь, отъ этого получаются сходственные результаты.

Наши философы какъ бы чувствуютъ свою близость къ древнимъ еретикамъ, не скрывая своихъ симпатій къ нимъ и видя въ нихъ проповѣдниковъ истины (Карсавинъ, «Св. Отцы и Учителя Церкви»). Горделивый умъ не можетъ примириться со смиреннымъ припаданіемъ къ Богу. Пріятнѣе самому сорвать плодъ, чѣмъ получить его отъ Создателя. Это то, что выразилъ Владимиръ Соловьевъ въ своемъ словѣ въ память Огюста Кonta, когда призывалъ, чтобы религію сдѣлать богочеловѣческою, влить въ нее больше человѣческаго — сейчасъ она слишкомъ божественна.

Не скрывая, стремятся реформировать православіе сторонники нового философскаго теченія. “Православный укладъ долженъ будетъ передѣлаться. Новый стиль возникаетъ въ православіи”, пишетъ Бердяевъ. Отъ редакціи ихъ органа «Путь» провозглашается: “Образуется новый укладъ православной души, болѣе активный, творческій, болѣе мужественный, безстрашный” («Путь», сентябрь, 1925г.). Такимъ образомъ прямо заявляется, что Православіе до сихъ поръ неудовлетворительно со всѣхъ сторонъ. Недостаточно поняли христіанское ученіе отцы Церкви, недостаточно были безстрашны и мужественны св. мученики, и вѣроятно уже совсѣмъ неактивны святые Петръ, Алексій, Іона, Филиппъ и Ермогенъ Московскія, Савва Сербскій и Петръ Цетинскій († 1830), хотя эти просвѣтители, будучи духовными пастырями, были и выдающимися дѣятелями въ государственно-общественной жизни. Хотять создать новое “православіе”, съ новымъ ученіемъ, новымъ укладомъ жизни, даже “новой душой”.

Но будетъ ли это Православіемъ, даже вообще Христіанствомъ? Непонятно, какъ это не замѣчаютъ нѣкоторые, повидимому искренне преданные православію люди. Непонятно, какимъ образомъ протоіерей

Сергій Булгаковъ, ревностно совершая богослужение, съ любовью изучающій церковныя пѣснопѣнія, проповѣдуетъ противоположное имъ. Быть можетъ онъ въ глубинѣ души чувствуетъ свою неправоту и этимъ объясняются колебанія въ его заключеніяхъ, не соотвѣтствующія его званію и положенію промахи, которые можно не видѣть только закрывши глаза. Но если такъ, пусть онъ откажется отъ написанного имъ, и не вводить въ заблужденіе тѣхъ, кто читаетъ его произведенія. Пусть остановятся желающіе передѣлывать Церковь, которая есть “столпъ и утвержденіе истины” (I Тим. III, 15). Будемъ надѣяться, что они услышать если не нашъ голосъ, то голосъ Апостола Павла: “О Тимоѳей, преданіе сохрани, уклоняясь скверныхъ суесловій и прекословій лжеименного разума, о немже нѣцы хвалящеся о вѣрѣ по грѣшиша” (I Тим.) Но если все же продолжится исканіе новой вѣры и новой премудрости, вѣрные сыны Церкви да останутся непоколебимы въ Православіи, воспѣвая единымъ сердцемъ и единими усты: “Не мудростью и силою и богатствомъ хвалимся, но Тобою, Отчею Упостасною Мудростію, Христе, нѣсть бо святъ паче Тебе, Человѣколюбче” (Ирмосъ 3-ї пѣсни канона Св. Апостоламъ Петру и Павлу).

Оглавление

Предисловие 5

Статьи Влад. Иоанна (Максимовича) воспроиз-
ведены способом репринт

I Как св. Православная Церковь чтила и читит Божию Матерь	13
II Почитание Богородицы и Иоанна Крестителя и новое направление русской религиозно-философской мысли	53

Ми

Лен. УПП-2 ВОГ. Зак. 157—30000. Объем 6 п. л. 27.05.92 г.

С.

Миссионерский Фонд Западно-Европейской епархии
Русской Православной Церкви Заграницей
и
Община Казанской церкви
Воскресенского Новодевичьего монастыря
С.Петербург юрисдикции Архиерейского Синода
Русской Православной Церкви Заграницей

